
XXIV
ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

22 марта 1971 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел Отчет Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. С докладом по этому вопросу на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.

Пленум единогласно утвердил Отчетный доклад Центрального Комитета XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум рассмотрел также проект доклада «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». С докладом по этому вопросу выступил Председатель Совета Министров СССР тов. Косыгин А. Н.

Пленум единогласно утвердил доклад «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы».

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ОБ ОТЧЕТЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 22 марта 1971 года

Отчет Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза утвердить.

О ДОКЛАДЕ XXIV СЪЕЗДУ КПСС «О ДИРЕКТИВАХ XXIV СЪЕЗДА КПСС ПО ДЕВЯТОМУ ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1971—1975 ГОДЫ».

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 22 марта 1971 года

Утвердить доклад XXIV съезду КПСС «О Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы».

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ КПСС

22 марта 1971 года состоялось заседание Центральной ревизионной комиссии КПСС, на котором был утвержден отчетный доклад комиссии XXIV съезду КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 13 (2282)
Основан 1 апреля 1923 года
27 МАРТА 1971

СЛАВА ПАРТИИ!

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
делегат XXIV съезда КПСС

Мы, люди социалистического мира, с уверенностью, торжеством и гордостью по праву совершенного исторического подвига утверждаем: черты будущего существуют в сегодняшнем. И не только в дне текущем. Еще более полувека тому назад гением Ленина пророчески были увидены и предначертаны суть и мощь сегодняшних дней нашей жизни, творческий взлет нашей Отчизны, трудовая доблесть народа, строящего коммунизм. Под водительством героической Коммунистической партии, руководствуясь ее мудростью, вооружась ее волей, наш народ прошел огромное историческое пространство, победоносно преодолевая все бури и штормы. Наша партия — это партия строителей, творцов и открывателей того нового, что является существом жизни социалистического общества, служит укреплению его созидательных сил, воспитанию человека, всестороннему и многогранному развитию личности. Высшая цель КПСС — человек с его совершенными качествами. Партия утверждает социалистический гуманизм, обращает все материальные ценности на благо советского народа.

«У нас нет и не может быть другой политической силы, которая была бы способна с такой полнотой и последовательностью учитывать, сочетать и координировать интересы и потребности всех классов и социальных групп, всех наций и народностей, всех поколений нашего общества, как это делает Коммунистическая партия. Партия выступает как организующее ядро всей общественной системы, как коллективный разум всего советского народа».

Эти слова Леонида Ильича Брежнева целиком и полностью отвечают разуму и сердцу советского народа, который в преддверии такого огромного этапного события в жизни нашего общества, как XXIV съезд КПСС, с еще большим вдохновением и усердием работает во всех областях экономики. Не обещаниями, не словами, а богатыми результатами своего труда встречает народ свой съезд, ибо он, как метко определил Владимир Ильич Ленин, «ответственнейшее собрание партии и Республики».

Вспомните минувший год. Совсем недавно он отошел в прошлое. Газеты, радио, телевидение рассказывали нам о новых, вступивших в строй электростанциях, заводах, фабриках, о целых потоках ранее невиданных изделий, созданных нашими учеными, инженерами, техниками, рабочими. А величайший урожай, который сняли со своих выхоленных полей наши земледельцы!

Возьмите первые месяцы 1971 года, освещенного, как и предыдущий год, празднованием 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Со всех концов страны летят радостные сообщения об успешном осуществлении планов, намеченных на первый год девятой пятилетки, проект Директив по которой будет рассмотрен, обсужден и утвержден на XXIV съезде КПСС.

В проекте Директив советский народ ощутил черты своего ближайшего будущего, увидел в нем новый, твердый шаг в осуществлении ленинских заветов. Проект Директив, каждая его часть, параграф научно обоснованы, исполнены духом инженерного реализма, где все взвешено и подсчитано с учетом той экономической базы, которая создана была за минувшие годы. И вместе с тем проект Директив был вынесен на широкое обсуждение, чтобы каждый труженик творчески поискал те скрытые возможности, которые могут быть приплюсованы, учтены при его окончательном утверждении.

Весь мир вчитывался, вдумывался в проект новой девятой пятилетки. Все честные люди земли с восхищением и радостью встретили добрые вести из Москвы. Враги же наши — с угрюмым опасением, ибо в этом документе они увидели новое торжество ленинизма, новый качественный этап в развитии первой страны социализма, подъем благосостояния трудящихся, подъем культуры советского народа, творящего исто-

ЗАРЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Советские люди, вся прогрессивная общественность мира отметили знаменательную дату — столетний юбилей Парижской Коммуны.

17 марта в Москве в Большом театре состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских, общественных организаций и Советской Армии. Его провели МГК КПСС, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ВЦСПС и Академия наук СССР.

В президиуме торжественного собрания: товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев. Вместе с ними делегация Французской коммунистической партии в составе члена Политбюро ФКП Г. Бесса и члена ЦК ФКП А. Роль-Танги, делегация Всеобщей конфедерации труда Франции во главе с секретарем ВКТ А. Аллами.

Собрание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «Революционное наследие Парижской Коммуны и современность» выступил секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

Подробно остановившись на основных вехах героической эпопеи Коммуны, докладчик охарактеризовал осуществленные ею мероприятия, а также основные уроки Парижской Коммуны. Большой раздел доклада Б. Н. Пономарева был посвящен связи опыта и традиций Коммуны с проблемами современности. Затем выступил член Политбюро Французской коммунистической партии тов. Ги Бесс. «Палачи Коммуны считали, что они похоронили социализм,— сказал он.— Но сто лет спустя после их мнимой победы Коммуна жива как никогда раньше. Сегодня мы, французские коммунисты — наследники коммунаров, находимся среди коммунистов Советского Союза — наследников коммунаров. Мы здесь все вместе — внуки коммунаров и дети Ленина. Мы собрались не для того, чтобы оплакивать жертвы, принесенные Коммуной, а чтобы прославить ее дело, изучить ее уроки, ибо Коммуна была не закатом, а зарей новой эпохи».

На снимке: в президиуме торжественного собрания, посвященного 100-летию Парижской Коммуны.

Фото А. УСТИНОВА и Е. ХАЛДЕЯ.

рию. И, как всегда водится, буржуазные публицисты призвали к себе в союзники не разум, не правду, а ложь, клевету, измышления. Очевидно, самим себе для утешения. Ведь в крупнейших капиталистических странах обозначаются зловещие симптомы экономического спада, роста дороговизны, безработицы. Миллионы людей в этих странах объединяются для борьбы против изощренной, зверской эксплуатации, против попрания прав рабочего человека.

Новый пятилетний план будет успешно выполнен. У нас в этом нет сомнений. Залогом тому служит и такая сила, как духовный, профессиональный взлет труда, дарований и таланта рабочих, их образованность. Мы гордимся не только самой современной и совершенной техникой, созданной рабочими руками. Мы гордимся и тем, что люди труда, науки, наши инженеры и рабочие овладели богатством современных знаний, как бы создали задел для будущего, задел надежности для осуществления новой пятилетки.

Один пример. Кто не знает старейшего, заслуженного завода Москвы — завода «Серп и Молот»! Здесь более двадцати ведущих инженеров учится сейчас в институте переподготовки. Умудренные опытом кадры обретают новые знания. На заводе почти нет сейчас руководителей цехов и бригад, мастеров, которые не обладали бы высшим или средним специальным образованием. А славная когорта руководителей партийных организаций завода! Эти люди, за плечами которых производственный опыт, являются выдающимися мастерами своего дела, имеют либо среднетехническое, либо инженерное образование. Каной высокий удельный вес этой гвардии коммунистов завода! Как высок авторитет этих людей, у которых воедино слиты политические и технические знания! Именно таких теперь любят, верят в них. Именно они ведут свои коллективы, решают с ними самые сложные производственные задачи, добиваются подъема производительности труда на базе автоматики и механизации.

Наш народ, окрыленный разумом партии, готов к великим свершениям, готов успешно продолжать строительство материально-технической базы коммунизма.

Все, что создает народ подвигом своего труда, возвращается к нему на его благо, во имя расцвета личности, ее совершенствования, освобождения от тех трудностей быта, которые до конца еще не одолены нами. Таков закон социализма.

Принцип социализма — каждому по труду, от каждого по способностям — превращается в особое трудовое усердие каждого человека, ибо чем он больше произведет, чем больше даст стране, тем больше вернется к нему уже в виде результата труда миллионов.

Коммунизм строится руками советского человека. И созданное человеком призвано служить человеку. Освобождая его дарования, таланты, коммунизм создает счастье жизни.

Счастье человека — цель нашей партии. И мы гордимся тем, что слова «счастье человека» имеют в нашей стране силу закона. К исполнению этого закона и призывает нас Коммунистическая партия, ее ленинский Центральный Комитет.

Учение ленинизма—самое гуманистическое, самое правдивое, самое действенное и борющееся учение на земле. На съезде партии ее представители будут говорить и размышлять о том, как исполнены Директивы минувшего XXIII съезда, как преобразилось лицо Отчизны, какое накоплено экономическое могущество, создавшее незыблемые реалии для выполнения девятого пятилетнего плана. И с такой же тщательностью и глубиной будет проанализирован вклад, который внесут люди труда в грядущее.

Наша партия, партия социалистического гуманизма, проводит и отстаивает ленинскую политику мира. Советский народ оказывает дружескую и бескорыстную поддержку тем народам и странам, которые встали на путь строительства новой жизни, в битвах отстаивают свою свободу и независимость. Верные принципам пролетарского интернационализма, мы братски помогаем народам Индокитая, подвергшимся нападению американского империализма.

Наши могущественные вооруженные силы обладают всем необходимым, что создано гением наших ученых, инженеров, рабочего класса. Они являются надежным щитом против угрозы нападения на мировую социалистическую систему со стороны любых коалиций капиталистических государств.

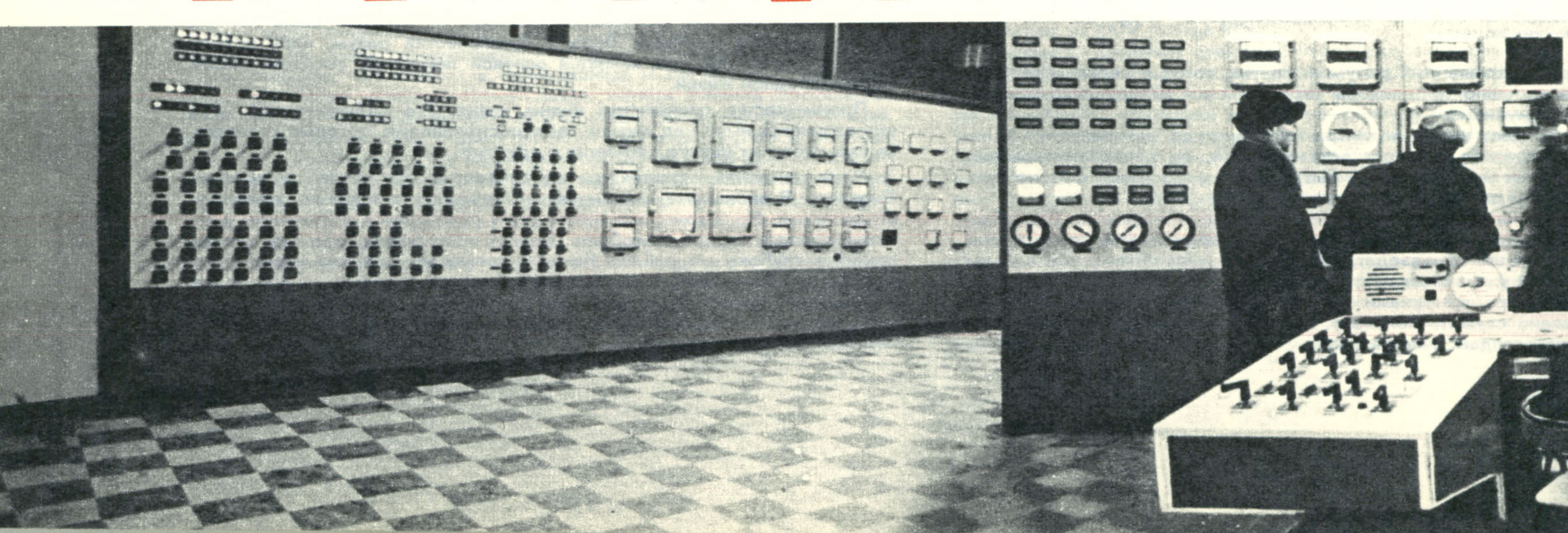
Советская Армия — плоть от плоти народа. И она призвана охранять его социалистические завоевания. Но никогда, ни при каких случаях мы не бряцаем оружием. Вера в человеческий разум, вера в силу народов мира — вот что является основой ленинской политики нашей международной жизни.

Преимущества социализма видны везде. Его победоносные идеи утверждаются ныне над миром теми достижениями, которые совершает наш народ от одного пятилетия к другому.

План пятилетки, архитектура ее отчетливо обозначены в проекте Директив. В экономике, хозяйстве это измеряется тоннами, заводами, мощностями. Но к тому, что намечено и реализуется в духовном развитии народа, трудно подобрать точные измерители, ибо так многогранна и глубока эта работа. Коммунистическое сознание народа, его идейная убежденность, его культура, с высоты которых он все более и более исполняется сознанием ответственности, ясно видит свой долг,— это и является самым главным богатством нашей Отчизны, видимыми чертами нового человека.

Митинг в честь пуска доменной печи.

ГИГАНТ В

Газеты писали: «Все произошло буднично, просто и ...неожиданно. Хорошилов и Романеев еще шуровали летку № 2, когда из третьей, к продувке которой приступили в последнюю очередь, хлынула раскаленная огненная масса... Было ровно два часа...» Так в ночь с 16 на 17 марта вступила в строй третья доменная печь Запсиба. Говоря о ней, нельзя обойтись без эпитета «самый»: самая крупная в стране — на 82 метра взметнулся в небо ее бронированный корпус; самая производительная — она будет давать 7 000 тонн чугуна в сутки; самая совершенная — 900 приборов станут контролировать ее жизнедеятельность.

Тысячи строителей создавали это совершенство современной металлургической техники. Металлурги решили в два раза быстрее, чем предусмотрено техническими нормами, достичь проектной мощности на этом гиганте.

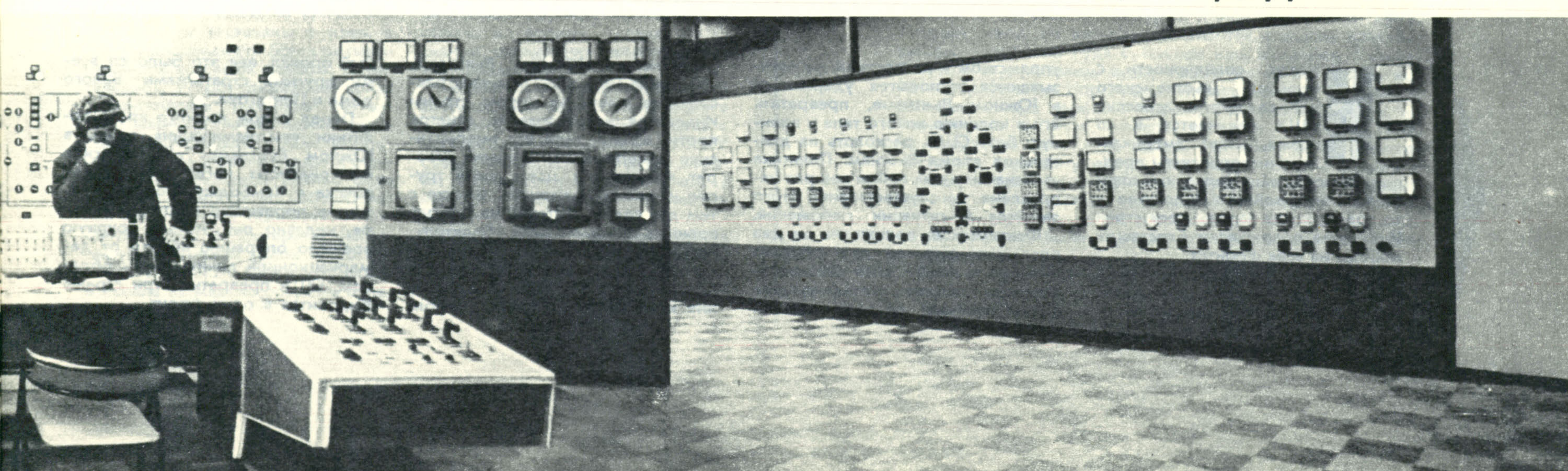
Приняв первый чугун, делегат XXIV съезда КПСС, старший горновой Владимир Хорошилов открыл путь металлу на заводы и стройки Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Флагман советского доменного производства заработал на новую пятилетку. Прекрасен этот подарок XXIV съезду партии.

Фото специального корреспондента «Огонька» Г. КОПОСОВА.

СТРОЮ

Пошел первый чугун.

Пульт управления.

Молодые бойцы Армии освобождения атакуют карателей. Фото из журнала «Вьетнам».

НГУЕН ТХО ТЯН,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Демократической Республики Вьетнам в СССР

ДРУЖБА И СОЛИДАРНОСТЬ

В Советском Союзе прошла неделя солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США. «Нет и не может быть прощения империалистам, сеющим смерть и разрушение на вьетнамской земле!» — заявили во время недели солидарности советские люди. Ниже мы публикуем полный текст выступления посла ДРВ в Советском Союзе Нгуен Тхо Тяна на собрании представителей общественности города Москвы, которое состоялось 16 марта.

Неделя солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США начинается в то время, когда американские империалисты предпринимают крайне серьезные шаги по усилению войны в Индокитае в то время, когда народы трех стран Индокитая одерживают блестящие победы на всех фронтах.

В основном потерпев поражение в «локальной» войне, американские империалисты с присущим им упрямством и коварством не отказываются от попыток удержаться в Южном Вьетнаме, превратить его в колонию нового типа и военную базу США, расколоть на длительное время Вьетнам. Политика «вьетнамизации» войны как раз направлена на осуществление этого замысла в ситуации поражений.

Фактическое положение за два последних года со дня прихода Никсона к власти явно свидетельствует о том, что «вьетнамизация» войны означает ее затягивание и усиление в Южном Вьетнаме, «доктрина Никсона» означает расширение войны на другие страны Индокитая, использование азиатов против азиатов, или, как американские империалисты цинично говорят, «изменение цвета кожи трупов на полях сражений». Вместе с тем два года испытаний на театрах военных действий дали убедительное доказательство тому, что эта вынужденная и авантюристическая политика терпит тяжелое поражение и непременно потерпит полный провал, как это было со всеми другими стратегиями Белого дома и Пентагона.

Перед лицом полного краха политики «вьетнамизации» войны в Южном Вьетнаме американские империалисты нагло ввели свои войска в Камбоджу. Потерпев тяжелое поражение в этой авантюре, недавно они начали крупную военную операцию вблизи от демаркационной линии. Таким образом, США превратили три страны Индокитая в один фронт.

Фактическое положение на индокитайских фронтах свидетельствует о том, что, несмотря на поражение, американские империалисты продолжают упрямо усиливать и расширять войну. Однако чем больше они расширяют войну, тем более плачевное поражение они терпят. Это стало уже непреложной закономерностью.

В нынешней ситуации народы трех стран Индокитая укрепляют сплоченность, оказывают друг другу взаимную помощь в борьбе, непрерывно наступают на врага и на всех фронтах наносят ему сокрушительные удары возмездия.

Народ и вооруженные силы Южного Вьетнама твердой поступью идут вперед, непрерывно укрепляя свои силы, нанося мощные удары по политике «вьетнамизации» войны. План «умиротворения» сельской местности, осуществляемый при помощи кровавых методов, лишь усиливает ненависть и решимость к борьбе у южновьетнамского населения. Стремление укрепить марионеточную администрацию и марионеточную армию представляет собой лишь попытку вдохнуть жизнь в привидение. Совершая агрессию против Камбоджи, США вызвали там мощный подъем патриотической борьбы и попали в крайне затруднительное положение, оказались в плотном окружении в некоторых опорных пунктах, не связанных между собой. Недавно США ввели свыше 10 тысяч войск в восточный район Камбоджи, чтобы захватить некоторые освобожденные районы, кроме того, при помощи 30 тысяч войск начали операцию на дороге № 9, соединяющей Южный Вьетнам с Южным Лаосом.

В Камбодже патриотические силы вывели из строя и захватили в плен свыше 6 тысяч солдат и офицеров вражеской армии, уничтожили свыше 350 танков и бронемашин, сбили свыше 50 самолетов, потопили 13 военных кораблей и катеров. Командующий войсками сайгонской марионеточной армии в Камбодже со своим штабом погиб в результате того, что его самолет был сбит на пути следования на фронт. В результате тяжелого поражения противник вынужден прекратить операцию.

В ходе военной операции в районе дороги № 9 США и их приспешники, подвергаясь непрерывным ударам от Куангчи до Южного Лаоса, несут все более тяжелые потери, встречают все большие трудности. Лишь за период свыше одного месяца вооруженные силы Лаоса и Южного Вьетнама вывели из строя свыше 10 тысяч солдат и офицеров вражеской армии, сбили свыше 430 самолетов и вертолетов — главным образом вертолетов,—уничтожили свыше 500 машин различных типов, в основном танков и бронемашин, сотни пушек, большое количество складов. Сотни солдат и офицеров вражеской армии были захвачены в плен, в том числе командир бригады парашютистов со своим штабом. 11 батальонов, 27 рот различных войск стратегических резервов сайгонской марионеточной армии перестали существовать. Были уничтожены свыше 2 тысяч солдат и офицеров американской армии. В то же время Народно-освободительная армия Лаоса освободила Мыонсуй, Фусо в Северном Лаосе, северо-восточный район плато Боловен в Южном Лаосе, окружила и напала на многие опорные пункты противника, особое место среди которых занимает Лонгченг — логово специальных войск головорезов генерала Ванг Пао, руководимых и организуемых ЦРУ США.

В Южном Вьетнаме население и его вооруженные силы повсюду наступают на врага, выводят из строя десятки тысяч солдат и офицеров вражеской армии, сбили или разрушили сотни самолетов, тысячи военных машин, большое количество складов. Потерпела полный крах тактика использования вертолетов для маневрирования войск, использования бронетанковых частей в качестве ударной силы для занятия высот.

Несмотря на эти поражения, Никсон продолжает упрямиться. В последнее время он стал выступать с крайне наглыми угрозами в адрес Демократической Республики Вьетнам. Однако никакой шантаж, никакой прием не могут поколебать железную волю вьетнамского народа, который полон решимости усилить войну сопротивления против агрессии США, за национальное спасение, всей душой и всеми силами поддержать справедливую борьбу братских народов Лаоса и Камбоджи до полной победы!

Правое дело народов Индокитая непременно восторжествует!

Американские империалисты непременно потерпят полный провал!

Советский народ неустанно поддерживает и помогает борьбе вьетнамского народа, а также народов Лаоса и Камбоджи. В эти дни в адрес посольств двух частей нашей страны поступают сотни писем, телеграмм, резолюций со всех концов Советской страны, в которых советские люди энергично осуждают американских империалистов, горячо поддерживают решимость вьетнамского народа и других народов Индокитая в их борьбе. Это есть конкретное воплощение воли братского советского народа, ясно выраженной в Заявлении Советского правительства от 25 февраля с. г.: «Советский Союз не может пройти мимо новой эскалации американской агрессии. Советский народ готов и впредь оказывать всю необходимую помощь братской Демократической Республике Вьетнам, патриотам Индокитая, отстаивающим свои законные права, борющимся за осуществление своих жизненных интересов и чаяний».

Пользуясь случаем, разрешите мне выразить искреннюю благодарность КПСС, Советскому правительству и всему братскому советскому народу за эту ценную поддержку. Сейчас больше чем когда-либо мы обращаемся ко всем братским социалистическим странам, ко всему прогрессивному человечеству с настоятельным призывом усилить солидарность и помощь вьетнамскому народу и другим народам Индокитая в достижении более крупных побед, чтобы обречь на полный провал агрессивные стремления американских империалистов!

Неделя солидарности с борьбой вьетнамского народа начинается в то время, когда советский народ с энтузиазмом готовится к XXIV съезду КПСС. От всей души желаем москвичам и всему советскому народу блестящими успехами встретить съезд партии.

Да здравствует братская дружба и боевая солидарность между вьетнамским и советским народами!

НА МАРШРУТАХ ПЯТИЛЕТКИ

В проекте Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану есть раздел «РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК». Каждая строка этого раздела — свидетельство нового торжества ленинской национальной политики.

Сегодня «Огонек» открывает рубрику — НА МАРШРУТАХ ПЯТИЛЕТКИ. Наши корреспонденты расскажут о том, как воплощаются в жизнь задания партии, как меняется облик советских республик. Маршруты корреспондентов пролягут по всем пятнадцати братским социалистическим республикам.

«РСФСР... значительно увеличить производство меди и никеля на Норильском горно-металлургическом комбинате».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

ТАЙМЫР — ЗЕМЛЯ УДАЧ

Ю. ЛУШИН
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Шереметов ехал в Москву и думал невеселую думу. Медный завод, на котором он работал старшим плавильщиком, задыхался. Руда с Талнаха шла отменная, с таким богатым содержанием меди, какого он не помнит за все 15 лет работы в Норильске. Конвертерщики буквально заливали их цех черновой медью, а они, плавильщики, не справлялись с этим потоком, злились сами на себя, но придумать ничего не могли. Конечно, можно просто построить еще одну новую плавильную печь — и дело с концом. «Ишь как легко!— прерывал он себя.— А целый год на строительство где взять? И надо выложить миллионы рублей на ее сооружение. Нет, этот вариант не из лучших». Были, правда, у Шереметова кое-какие соображения.

Десятки лет плавильный процесс шел по определенному графику, и никто не дерзнул его изменить.

Карьер Медвежий Ручей.

В Норильске минус 43.

Герой Социалистического Труда плавильщик Александр Сергеевич Шереметов.

Но в голову упорно лезла крамольная мысль: а не слишком ли затянут процесс, нельзя ли сократить сроки плавки? Он уже прикидывал про себя, как это можно было бы сделать. И уверенность его крепла. Да тут еще узнал, что донецкий сталевар Владимир Холявко в соревновании с запорожскими металлургами сумел сократить сроки плавки в два раза. И он решился. Правда, медь — это не сталь, но разве он, Шереметов, плохо знает секреты меди? И решившись, вдруг почувствовал такую легкость на душе, какая бывает только тогда, когда человек, отбросив все сомнения, идет по намеченному пути прямо к цели. «А вот лет пять назад так, сразу, пожалуй, не решился бы»,— подумал Шереметов.

Да, это верно. Последние пять лет многое ему дали. Вроде бы и остался он тем же Шереметовым, что и был, да не тем. Вроде стоял у печи, как обычно, тонко чувствуя поведение металла, укрощая его, подчиняя своей воле, но и не так. С той поры, как коммунисты комбината избрали его делегатом на XXIII съезд КПСС, с той поры, как вернулся со съезда, он понимал, что есть у него перед другими только одно преимущество — быть там, где труднее, не стоять на месте, искать новое. И думалось ему, что вот он, Герой Социалистического Труда Александр Шереметов, все еще не до конца оправдал почетное звание. Разве герой тот, кто только работает за определенную зарплату, пусть в самых трудных местах, пусть на краю планеты? Нет. Настоящий герой тот, кто способен от любого личного дела, от будничного события провести прямую к большой цели, кто радуется и горюет не только за себя, кто умеет мыслить широко, в масштабах государства, перспективно. И он учился мыслить так...

Плавильная печь дышала горячо и тревожно. Казалось, ей тоже передались волнения и сомнения людей. Шутка сказать, они задумали провести плавку втрое быстрее обычного. Внешне Шереметов оставался невозмутимым, как всегда, но те, кто хорошо знал его, заметили, как он весь подобрался, напрягся, стал скупее в жестах. Пока все получалось и шло точно по графику, рассчитанному людьми со скрупулезной точностью. Но долгий опыт Шереметова приучил его к тому, что каждая плавка не похожа на предыдущую, что в любой момент может произойти непредвиденное. Это со стороны только кажется: играет пламя, ровно гудит печь, кипит в ней металл, а человек находится как бы отдельно от всего этого. Нет! С первой и до последней минуты металл приковывает к себе человека, заставляет быть все время начеку, не отпускает от себя ни на минуту. Сколько этих минут уже прошло? Взглянул на часы — около четырех часов. Кажется, пора. Медь в печи переливалась, играла, словно живая, и он каким-то шестым чувством понял: да, пора. Невероятное свершилось. Плавка заняла всего четыре часа вместо двенадцати. Все поздравляли плавильщиков, но Шереметов радости особой пока не проявлял. Он помнил, что некоторые специалисты, считая интенсификацию выплавки меди делом будущего, утверждали: скорость неизбежно отразится на качестве, ухудшит его. И вот теперь он ждал, что скажет лаборатория анализа. Тревога была напрасной: качество меди отменное.

Победа! Казалось, на этом можно и успокоиться. Можно, но только не Шереметову. Через некоторое время он добивается сокращения плавки еще на полчаса. Следующая его идея многим показалась совершенно фантастической: поднять пороги печей и набирать ванну выше проектной отметки, чтобы утяжелить таким образом плавку. Попробовали — получилось. Каждая печь теперь стала выдавать на двадцать тонн больше. Это было весьма кстати, потому что как раз на этот момент пришелся дополнительный заказ. А в конце месяца в цех пришли необычные гости — экономисты.

— Ну и дел вы натворили,— шутили они, вручая цветы плавильщикам.— Нежданно-негаданно ввели в строй новую печь. Поздравляем!

Спорить с ними не стали, потому что ошеломляющий прирост выплавки меди за месяц действительно равнялся пуску целого агрегата. Это была уже окончательная победа.

Окончательная ли? Пожалуй, все же нет — у Александра Сергеевича Шереметова опять появились кое-какие соображения...

...Летит с легким шорохом вниз по стволу клеть, полная людей в прорезиненных куртках, в касках, с зажженными

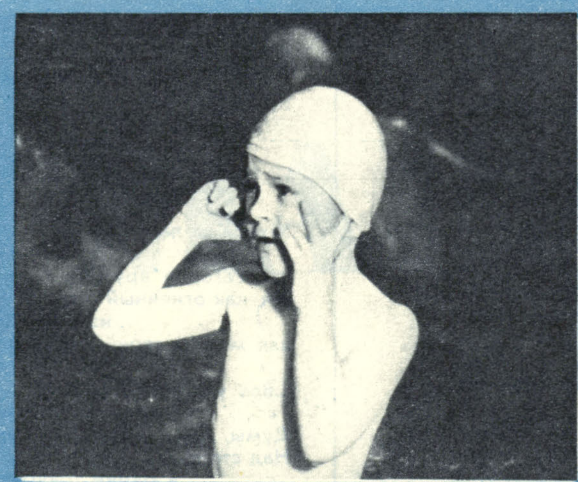

Обычное утро.

В бассейне детского сада «Светлячок».

Гастроном «Енисей».

Репетирует балет.

Здесь даже хоккейные поля прячутся от мороза под крышу... Соревнования на стадионе в поселке Талнах.

◀ Солистки вокального ансамбля «Снежинка» Наталья Проничева и Светлана Якименко.

ТАЙМЫР — ЗЕМЛЯ УДАЧ

шахтерскими лампочками, которые скупо и как-то сурово освещают лица горняков. На нужном горизонте они быстро расходятся по штрекам. Мы идем на пятый участок. Это огромная пещера, вырубленная в руде. В глубине ее ворочается, двигает куски породы, гремит, рычит и скрипит какое-то чудище, бойко загребающее железной лапой ковша руду. Хвать — и вот уже забросила руду через свою спину в вагонетку. Это и есть гордость пятого участка — самоходная погрузочно-разгрузочная машина. Ее машинист Николай Зайнулин сияет, на черном лице только зубы сверкают. Дело идет споро, с перевыполнением сменной нормы, и Николай царственным жестом протягивает мне тяжелый комок: держи на память. И говорит: «Из такой руды комбинат плавит 70 процентов всей меди и никеля». Разглядываю подарок — в разломе желтый медный блеск...

Слава рудника «Маяк», на котором установлено это новое самоходное оборудование, громкая, только, похоже, скоро ее затмит рудник «Комсомольский».

— «Комсомольский» будет в три раза больше и мощнее «Маяка»,— рассказывает директор Норильского горно-металлургического комбината имени А. П. Завенягина Николай Порфирьевич Машьянов.— Между тем до настоящего времени первенец Талнаха рудник «Маяк» был основным поставщиком руды: из нее выплавлялось две трети всей продукции. Представляете, как шагнем вперед, когда вступит в строй рудник «Комсомольский»! Вот тогда и добьемся того значительного увеличения производства меди и никеля, о котором говорится в проекте Директив XXIV съезда партии по новому пятилетнему плану. Кстати, биографии этих двух рудников складываются удивительно похоже. Первый состав думпкаров с рудой «Маяка» ушел на завод в те минуты, когда в Москве открывался XXIII съезд КПСС. Вел его машинист тепловоза Герман Захарович Есеев. Сейчас он снова борется за право повести первый состав, но на этот раз уже с «Комсомольского»: горняки твердо обещали дать первую руду к открытию XXIV съезда партии.

— Как же с этим мощным потоком руды справятся ваши металлургические предприятия?

— Вопрос резонный, тем более что именно металлурги выдают конечный продукт — медь и никель. Ну, во-первых, будут строиться новые предприятия — обогатительная фабрика и никелевый завод. Во-вторых... Вы, наверное, уже слышали о дополнительном задании, которое получил наш завод в прошлом году. Да и срок был короткий — месяц. Пошли к рабочим советоваться. Прослышали об этом наши строители и объявили: даем в награду ударникам — сверх плана — восьмидесятиквартирный дом! Рабочие же цеха электролиза меди сказали: «Агитировать нас нечего, и так сделаем! Лишь бы цех анодных печей не подвел». Ну, а как работали на анодных печах, вы уже знаете, раз познакомились с Александром Сергеевичем Шереметовым.

Строители свое слово сдержали: новый дом ждал новоселов уже 15 декабря. В одиннадцатом часу ночи под Новый год шла последняя тонна меди. Электролитчики сработали на славу и доказали, что мы не ошиблись, планируя поднять производительность труда за пятилетку на 75 процентов. В девятой пятилетке мы увеличим производительность комбината по меди в один и шесть десятых, а по никелю — в один и девять десятых раза. Прибыли возрастут вдвое.

Мы начали строить и рудник «Октябрьский», который будет в два раза мощнее такого гиганта, как «Комсомольский». Первую руду он выдаст уже в 1974 году. С пуском этого рудника Норильск выйдет на первое место по добыче меди, оставив позади прославленный Балхаш.

...Поиски, горизонты, свершения. Земля удач — Таймыр. Трудно представить, что не так давно это был пустой, холодный край. Можно, конечно, уйти темной полярной ночью подальше в тундру, чтобы не доносились звуки и не доходило дыхание жизни, и попытаться вообразить, как все это было. И все равно не покидает тебя мысль, что там, за горизонтом,— гигантские заводы, десятки тысяч людей на улицах прекрасного, современного города, теплицы, в которых круглый год выращиваются шампиньоны и редиска, там же танцевальный ансамбль «Снежинка», институты, библиотеки, плавательный бассейн...

Виктор ПОДКОПАЕВ

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ ОТЦОВ

С ПАРТИЕЙ

Великий путь
сражений и побед —
он не был легким,
розами увитым!

Был не один
прострелен партбилет.
Пал не один солдат на поле битвы.

Нас обжигали грозы
много раз.
И стала стойкость наша
беспримерной.

Могуча Партия
безмерной верой в нас,
а мы крепки
в нее безмерной верой.

Народ и Партия
живут одной судьбой,
за все вокруг
пред будущим в ответе.
Ни на мгновенье
не смолкает бой
за жизнь,
за мир и счастье на планете.

У СТРАНЫ НА ВИДУ

У тебя на ладони —
партийный билет,
что сегодня вручили тебе.
Он как огненный стяг,
излучающий свет,
как маяк в твоей трудной судьбе.

...Вот уж поздняя ночь,
а усталости нет.
Думы, думы бегут без конца.
Над столом
в рамке траурной
фотопортрет:
дорогое
лицо
отца.
Никогда-никогда
ты не свидишься с ним,
не прижмешься,
как в детстве,
щекой...
Далеко, в Подмосковье,
две стройных сосны
сторожат его вечный покой.

Как бы счастлив ты был,
если б батя родной
по-мужски тебя нынче обнял!
Его жизнь,
его труд,
его подвиг святой —
ради этого светлого дня.

И опять ты припомнил,
как ранней весной
злое горе пришло на порог:
мать немыми губами читает
письмо
про последний солдатский долг...

Ты глядишь на отца —
на морщинки у рта,
на родные до боли глаза...

Кто сказал, будто ты без отца
сирота?
Кто сказал?..

Ты берешь партбилет,
ты встаешь, как солдат,
в миллионном строю коммунистов.
И в безбрежные дали
уходит твой взгляд
сквозь туман этой полночи
мглистой.

И уже не мешают
ни тьма,
ни стена,
и мелькают за верстами версты...
Пред тобою встает
вся большая страна,
где живут твои братья и сестры.

Коммунист,
ты стоишь
у страны на виду,
все, что надо,
готовый свершить...
Ты клянешься быть стойким
в бойцовском ряду
и правдиво,
по-ленински
жить!

Быть достойным отцов
и в труде и в борьбе,
в час суровый
не дрогнуть в бою!..
Молодая Россия,
внимая тебе,
повторяет
присягу
твою.

Краснодар.

Юрий СБИТНЕВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

ОДИН МАРШРУТ

Сколько прошли! А сколько осталось пройти!

С утра еще до восхода солнца сняли палатку, уложили рюкзаки, позавтракали, залили костер, забросали его мелким мокрым камешником и поднялись на береговой скалистый срез в тайгу. Подъем был трудным. Голые скалы круто возносились над морем. Пришлось ползти, вжимаясь в камень, выискивая пальцами каждую трещинку, каждый крохотный надлом и выступ. Впереди Дорохов, за ним Многояров. Всего каких-то триста метров подъема, но ушло на него полтора часа. Уже у самой вершины, где корни деревьев, порушив камень, вызмеились стальными тросами (всего-то подтянись на полтуловища и ухватишься рукою), Многояров почувствовал, что нога, на которую только что перенес всю тяжесть тела, потеряла опору и медленно, очень медленно поползла по камню...

Всем своим телом, каждым мускулом и каждой клеточкой почувствовал Алексей это движение. Руки, высоко поднятые над головой, сами по себе нашаривали опору. Может быть, крохотную долю мгновения длилось это медленное, едва ощутимое движение вниз, но Многояров отчетливо, со всеми подробностями представил себе последствия этого движения — катастрофу.

Он лежал распластанный на гладком каменном взгорбке и слышал, как глубоко внизу с громом и диким воем, с хохотом набрасывается на острые гольцы море. Туда, в этот грохот, хохот и вой влекло его бессилие. Вжимаясь в камень, он противился этому бессилию — боролся...

Каким-то, только ему присущим чутьем Дорохов угадал опасность, грозившую товарищу. Ухватившись за корень, сдвинув рюкзак, Василий повернулся на спину и глянул вниз.

— Держись, Алеша.— И обмяк, повис на одной руке, вытянув к самому лицу Многоярова ногу.— Держись!.. Хватай сапог!.. За ногу держись!..

И снова медленное движение, только теперь уж вверх, сантиметр за сантиметром...

Выбравшись на вершину, заметили, что солнце давно уже поднялось над морем. Сели, привалившись рюкзаками к деревьям, лицом к морю. Тайга шумела над ними успокоенно и мирно, а грохот волн долетал сюда едва уловимо.

— Чертова горочка,— переводя все еще трудное дыхание, сказал Многояров. Это были первые слова за время всего подъема.

— Бывает хуже,— обычным тихим голосом ответил Дорохов.

Алексей посмотрел ему в лицо, хотел что-то сказать, но не сказал, а только ненадолго задержал взгляд. Лицо Василия было жарким, а над правым виском пухло пульсировала синяя полная жилка. Трясущимися руками Многояров достал из кармана темный от пота кисет; бумага в нем размокла, махорка была влажная.

— Трудовая махорочка,— улыбнулся Дорохов.— Есть еще бумага?

— Есть.— Алексей сбросил с плеч рюкзак, достал сложенную газету и, усевшись поудобнее, начал свертывать папиросу. Пальцы не слушались, табак сыпался на колени.

Парило. Солнце как-то уж сразу залило всю округу горячим светом; из тайги пахнуло теплой гнилью, над камнями зыбилась влажная мга. Гнус и мошка, избегая солнцепека, табунились в тени, тягуче и мерзко нудя.

— Надо бы воды во флягу набрать,— сказал Дорохов и попытался встать.

Но Алексей опередил его, быстро поднялся.

— Давай фляжку.

Фляжка была одна на двоих. Многояров пошел вдоль скального среза к развалу, по которому, сигая и пенясь, падал в море ручей. Чтобы наполнить флягу, пришлось немного спуститься по скалам, к месту, где ручей, срываясь с плоских, оглаженных плит, словно бы скручивался в жгут. Подставив под струю горлышко фляги, Многояров посмотрел туда, где совсем недавно лежал, распластанный, медленно сползающий по гладкому взгорбку скалы. Только сейчас холодное чувство страха вдруг разом овладело им, и он, целиком отдавшись этому чувству, ощутил, как мелко-мелко задрожали ноги, как дурнота подступила к горлу, и бессильно сел на мокрые камни. Холодные брызги мигом оконопатили лицо. Несколько мгновений он сидел, безвольно опустив руку с фляжкой, а другой крепко обхватил обломок камня, и не было, вероятно, сейчас такой силы, которая заставила бы его разжать до судорожного отчаяния сведенные пальцы. Но уже в следующее мгновение другое чувство — преклонения и любви к Дорохову — охватило Алексея.

— Все-таки он удивительный, необыкновенный человек, Вася Дорохов,— то ли говорил, то ли думал Алексей, и все вокруг в этот миг было для него необыкновенным и удивительным...

...Василий сидел все на том же месте, в той же позе, в какой оставил его Алексей, только сбросил с плеч рюкзак. На коленях лежала раскрытая карта. Над Дороховым в густой кроне лиственнок без умолку стрекотали и суетились маленькие птахи. Их было очень много. Василий улыбался, подняв лицо.

— Чего они? — спросил Многояров.

— Гаечки таежные — медвежьи санитары. Мы с тобой на самую лежку выползли. Выйдет вот сюда миша, ляжет, лапы раскинет, а гаечки и обирают с него всякую живность, что нахватает, по тайге шляясь. На шум, что мы наделали, слетелись. Медведя-то нет, вот и обсуждают, как быть.— Дорохов рассмеялся по-мальчишески легко и звонко.— Пора, Леша, задержались мы нынче с работой, пошли...

Оставив за спиной безмерный простор моря, медвежьей тропой они ушли в тайгу. Шли молча. Дорохов считал про себя шаги. От «точки» до другой «точки», от одной записи до другой, и так день, два, десять, месяц, три месяца — весь полевой сезон. По бурелому, по колоднику, по болотам, чащобе, стланикам — каждый шаг на счету. Сколько их сделано, этих вот шагов, по тайге, тундре, пустыне! Сколько сосчитано их среди голых скал Памира, Тянь-Шаня, в диких развалах, заросших щетиной тайги Джугджура! И так всю жизнь, от крохотной точки на карте до другой, от одной записи в рабочей полевой тетради до другой.

Кончился ельник, вильнула и ушла куда-то в сторону хорошо нахоженная медвежья тропа.

— Шли как по улице Горького,— сказал о ней Многояров.

Василий промолчал, сел, не сбрасывая рюкзака, на колдобину, сдвинул на колено полевую сумку, развернул карту.

— Попробуй отобрать образец,— сказал, вынимая из нагрудного кармана карандаш.

Многояров скинул рюкзак, принялся сначала молотком, а потом руками сдирать упругий слой мшевины. Закопушка получилась глубокой, но, кроме живых корней, мха и перегнившей трухлявой падалицы, под руки ничего не попадало. Сделал еще одну закопушку. Теперь уже штыком саперной лопаты, насадив его на срубленный черенок,— и снова только гниль, только труха и мшевина. Все это время, пока он работал, Дорохов писал, часто размазывая по лицу наседавших комаров. В таежной тлетворной духоте комары зверствовали, они отчаянно жарили лицо, руки, шею, набивались в волосы. Многояров беспрестанно курил, но махорочный дым, отгоняя насекомых, в то же время раздражал их, и они, словно бы озлясь, с еще большим остервенением жгли тело. Мошка и мокрец выискивали любую, самую малую щелочку в одежде, лезли за капюшон гимнастерки, в рукава, накрепко завязанные тесемками, в сапоги, набивались в уши и нос, слепили глаза.

Шурф получился глубоким. Рыть было трудно, и все-таки Многояров добрался до каменной тверди земли. Выбил молотком два образца сырого песчаника, протянул их, тяжело дыша, Василию.

— Маркируй,— сказал Дорохов, а сам полез в шурф, недолго повозился там, оглядывая стенки и обстукивая дно, сказал: — Если на каждой точке по такому шурфу бить, немного сегодня пройдем.

Помолчали...

— Куда дальше пойдем? — спросил Многояров.

— А вот.— Василий повел рукою.— И вот на ту сопочку. До ключа Гиляк. Если все будет хорошо, к сумеркам выйдем на ключ, там и заночуем.

Алексей поглядел туда, куда указывал рукой Дорохов, затем мельком на карту. Маршрут их лежал сначала по склону сопки, по громадному, коричнево-желтому болоту, в ржавых окнах гнилой воды, по зарослям стланика и ползучей березки — все это просматривалось отсюда, сверху, уменьшенное и чуть затушеванное далью и зыбким маревом испарений, поднимавшихся с болот. К истоку ключа Гиляк был и другой путь, более легкий, более доступный, это сразу увидел на карте Алексей. Стоит только снова подсечь медвежью тропу и, не теряя ее, по гряде сопок, минуя болота, выйти к намеченной ночевке. Но Дорохов из всех маршрутов выбрал этот, самый трудный, самый что ни на есть непроходимый. Он вел Многоярова туда, где наверняка никогда не ступала нога человека. И это всегда так, каждый день, каждый маршрут, самое трудное, самое непроходимое. Многояров часто думал о том, что заставляет Василия выбирать такие вот маршруты. Пожалуй, ничто не изменится в геологической карте оттого, заложит ли старший геолог свой маршрут на километр или полтора в сторону от гиблого пути. Что такое для геологического периода всего какой-то час человеческого пути — ничто! И все-таки Дорохов сам, добровольно устраивает себе мучительные испытания, которые выжимают из него все силы, выматывают душу. Никто и никогда не спросил бы его, почему он именно так пошел, а не иначе, никогда никто не смог бы проконтролировать.

Многояров порою глухо, про себя негодовал на Василия, даже злобился, презирая себя за это. И потом, в короткие часы отдыха, обыкновенно у костра, перед сном, когда они за целый день молчания и скупых, очень редких, деловых фраз вдруг разговаривались, стыдился своей вот этой слабости и каждый раз хотел рассказать о ней, но не делал этого, потому что еще не верил в себя. Не верил, что когда-нибудь, в тяжком маршруте он не сломится и не выплеснет в лицо Дорохову всю обиду, все зло за эту вот непосильную работу, которую добровольно взваливает на себя, а значит, и на него старший геолог. Но чем дальше уходили они, меняя маршруты, находя разбросанные вертолетом по тайге подбазы, забирая продукты и оставляя собранные образцы, чем больше уставали и втягивались в работу, Многояров все больше и больше понимал, что дорог ему Дорохов именно этим беспощадным отношением к себе, дорог самоотреченностью ради дела.

Шли калтусом — неохватно широким болотом, с редкими островками густорастущих, низких лиственнок. С частыми, словно бы оспины, глубокими ямами озер. И эти совсем небольшие озерца ртутно поблескивали среди густых пожухлых зарослей. И только берега, словно бы втекающие в воду и растворяющиеся в ней, были коварно зелеными. Ступи на такое вот прибрежье — и канешь в вязкую пучину, мигом затянет тебя. Шли тяжело, поминутно выверяя дорогу срубленными стежками — длинными, крепкими шестами. Собственно, делал это Дорохов, а Многояров нес свой стежок на плече, внимательно следя за тем, куда ступает Василий. Податливая, пружинистая почва легко оседала под сапогом, поднималась, и от этого нестерпимо разболелись икры и ныла спина. На одной из «точек» Дорохов как-то долго и внимательно вглядывался в лицо товарища. Сделал он это исподтишка, так, что Алексей не заметил взгляда. Многояров курил, присев рядом с Василием на примятый багульник (только что они выбрались

на островок твердой почвы). То, что под ногами больше не зыбилась и не ходила земля, было удивительно приятным. Но в то же время это такое привычное ощущение тверди как-то расслабляло. Этим ощущением и был сейчас полон Алексей Многояров, именно это и заставило Дорохова дольше, чем обычно, поглядеть в его лицо. По давнему опыту жизни в безлюдье тайги Дорохов больше всего боялся в пути такого вот отрешения, когда кажется, что ради момента отдыха и прожита вся жизнь. О, эта минутная отрешенность мускулов и разума, кажущегося блаженства отдыха, сколь дорого оплачивает тебя человек!

— Алексей! Обойди-ка этот прекрасный островок, сделай пару закопушек. Кстати, глянь, что там за бочажок, если можно, возьми пробу воды,— сказал Василий, не поднимая лица от рабочей тетради.

Не ответив и даже не взглянув на начальника, Алексей с трудом, по-медвежьи поднялся на ноги, ссутулясь над рюкзаком, долго вынимал завернутый в смену белья пузырек. Пошел прочь, вразброс ставя ноги.

— Возьми стежок,— приказал Дорохов.

Промокшая от пота гимнастерка напрочь прилипла к спине Алексея, обозначив лопатки и по каждой из них — густую бороздку выступившей соли.

Солнце стояло в зените; казалось, оно зацепилось там и никак не хотело опуститься за темную гряду истомившейся в жаре тайги. Эта жара была еще более ощутимой среди непомерно пустынного калтуса с его смрадным дыханием, с ртутным отблеском озер, с чарующей подлой красотой прибрежных чарусей, с жадно жуткой травой-кровохлебкой...

Многояров вздрогнул, когда увидел вдруг перед собой парящее кровавой дымкой озерцо. Оно было таким безобидным, хранящим темную прохладу воды, таким наивным, что в первое мгновение Алексей не понял, что его напугало, но уже в следующее мгновение содрогнулся, не то чтобы от страха — от жути. Из озерка смотрели на него два больших, мучительно темных глаза. Нет, это уже были не глаза — два провала, два черных горя, с выпитыми зрачками и тем живым, что наполняло их когда-то. Но все-таки они глядели в сердце человека, глаза животного. Сохатый, высоко подняв красивые ветвистые рога, застыл в аспидно-черной гнили. Только сейчас Алексей разглядел, что в озере нет воды. Темная гладь взбухала и лопалась мелкими, словно нарывы, пузырями. Холод обжег затылок, ознобом прошел по телу.

Алексей недолго постоял, необыкновенно ощущая твердь земли под ногами, поглядел на красивую голову сохатого, на его ветвистые рога, на глаза, выбитые орланами, и пошел прочь, преследуемый взглядом этих пустых глаз. Он сделал несколько закопушек, отобрал пробы грунта и ступил на зыбкую почву калтуса, направляясь к бочажку, который указал ему Дорохов. Бочажок был крохотным, всего в метр, но в нем ясно поблескивала вода. Проверив надежность почвы шестом, Алексей нагнулся над этим оконцем и вдруг увидел, что бочажок живой. Откуда-то из мрачных глубин болота, пульсируя, била влага и шел густой неприятный запах. К запаху воды, беспрестанно чавкающей под ногами, Многояров уже привык, пахнула она гнилью, затхлой прелью, была горька на вкус, но запах, исходящий из бочажка, был другим. Марая руки, Алексей набрал в пузырек маслянистой, тягучей жидкости и вдруг в какое-то мгновение сразу осознал, что вот сейчас с ним происходит необычное, что стоит он, Многояров, на пороге громадного по своему значению события.

«Это же нефть, нефть»,— думал Алексей, поспешно пробираясь через заросли островка к Дорохову. Скрывая свой восторг, как можно небрежнее Алексей сказал:

— Странную водичку обнаружил я тут, Вася.— И протянул пузырек.

Дорохов принял из рук Алексея пробу, не торопясь понюхал, капнул на ладонь, глянул в лицо товарищу.

— М-да, интересно... Где брал пробу?

— В том бочажке. — И Алексей торопливо, теперь уже не скрывая волнения, рассказал про озерцо, про сохатого, погибшего в точно такой же воде.

— Хорошо,— сказал Василий,— ты отдохни, замаркируй и упакуй пробы, а я сбегаю туда. Значит, говоришь, сохатый погиб. Интересно.

— Слушай, Вася.— Волнуясь, Многояров тронул Василия за руку.— А может быть, это нефть. Ведь очень похожа. И пахнет и маслянистая...

— Может, может, пойду посмотрю и опишу...

— Да, местечко удивительное,— спустя полчаса говорил Дорохов,— очень, Алеша, удивительное. Молодец, начинаешь видеть. Удивительное местечко,— повторил он.— Ну, друг, порадовал ты меня.— И больше ничего не сказал.

И снова шли гиблым калтусом, задыхаясь, сгибаясь над землей, ходившей у них под ногами, словно шли по разгулявшемуся «барашками» морю. Василий считал шаги, делал описи «точек», следил за тем, чтобы не сбиться с едва-едва уловимой звериной тропы, о многом думал и за многим следил, прокладывая маршрут неохватно широким пустым калтусом. Многояров шел за ним шаг в шаг, и хотя путь их не стал легче, а пожалуй, труднее: белые пятна соли выступили на груди, коробя гимнастерку, жара словно бы вязко набивалась в уши, сердце билось где-то у горла,— но Алексей не замечал всего этого.

«Вот так просто рождается все великое»,— думал он.

Как ни пытались выйти на дневку в тайгу, пришлось зашабашить на сухом островке среди болот. Поискали вокруг пригодную для питья и варева воду, но не нашли. На малом огне вскипятили чай, аккуратно слив воду из фляжки в котелок, на каждого пришлось по кружке. Экономными глотками пили, размачивая сухари и закусывая тушенкой.

— Ничего,— улыбался Василий.— У ключа Гиляк отопьемся и каши наварим до отвала.

— Что готовить будем?

— Давай гречку, а?

— Конечно, гречку.

И смеялись друг другу открыто и по-доброму.

— Хорошо мы с тобой поработали нынче, техник.

Василий опрокинул свою кружку и долго держал ее у губ, высоко закинув голову.

— Хорошо, старший геолог,— выскребывая пальцами из своей кружки крошки сухаря, отвечал Многояров.

К вечеру они выбрели на выходы известняков. Работая молотками, выбили образцы. В холодной глубине камня, словно высвеченные каким-то необыкновенным светом, мерцали останки первых земных существ, крохотных жителей великого океана, гудевшего тут миллионы и миллионы лет назад.

— Ты понимаешь, Алеша, это ф а у н а,— говорил Василий, поднося к самым губам образец и дыша на него.— Понимаешь, через толщу эр, веков глядит на нас время, какое открытие сделали мы с тобой! — Он волновался и говорил быстро-быстро.— В этом районе за долгие годы не было найдено ни одной «флорки», ни одной «фаунки»,— он так и произнес: «флорка», «фаунка».— Не было ни одного свидетеля тому, что утверждаем мы. И вот на тебе, вот они, свидетели.— И снова подносил к губам образец и снова дышал на него, разглядывая крохотные вкрапления.

— Ты понимаешь, это ниточка ко всему. Прочная ниточка, Алеша.

— А как же нефть, Вася? — Алексей растерянно смотрел на Дорохова.— Ты думаешь, там, у этого бочажка, нет ее? Мы там ничего не нашли?!.

Василий улыбнулся.

— На земле, Леша, есть все. Только надо уметь искать, так искать, как искали сегодня мы с тобою, как будем искать завтра, послезавтра, через год, всю жизнь. Будет нефть, будет золото, будет уголь, черт возьми...

Таким еще никогда не видел Алексей Многояров старшего геолога и друга Василия Дорохова. А то, что Дорохов был ему другом, Алексей уже знал наверно...

На следующее утро они снова спустились к новому калтусу. Там, где-то среди мрачной пустоши, среди душного зловония болот, виделись Василию Дорохову белые-белые выходы известняков. Туда и шли они.

Юрий КОРТНЕВ,
мастер завода «Динамо»

жизнь рабочая

У МАВЗОЛЕЯ

К нему из памятных ворот
печатным шагом,
твердым,
юным,
весь день,
весь год,
всю жизнь идет
манифестация коммуны.

Она, как вешняя вода...
Пятью пурпурными лучами
в ней отражается звезда,
собой историю венчая.

В бою добыты
и в труде
лучи земные, а не с неба
и утверждают мир идей
страною школ, машин и хлеба.

Мы верим в красные лучи,
что над вселенною алеют.
И сердце Ленина
стучит
в сердцах людей у Мавзолея.

ВСЕ — ВООЧИЮ

Непроста она — жизнь рабочая,
недомыслящим вопреки.
Все — в реальности,
все — воочию,
непосредственно от руки.

Все, что видимо,
осязаемо,
производим на свете мы.
Нам не надо от мира займа.
Сами многим даем взаймы.

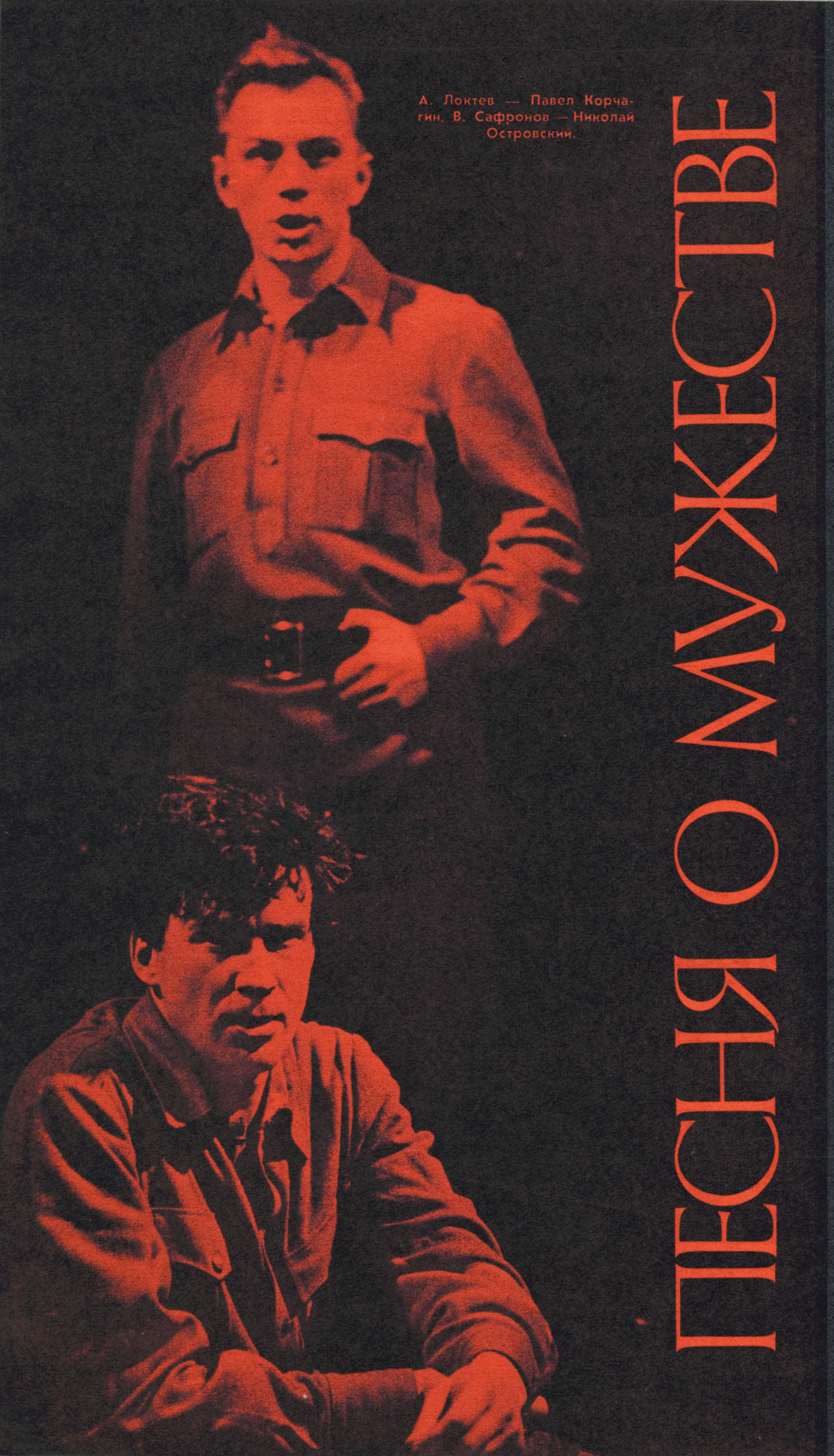
Потому до всего есть дело нам
относительно всех времен.
Что есть черное, что есть белое,—
наше мнение, как закон.

Должность трудная, но почетная—
в напряжении каждый час.
Все решительно
подотчетно нам,
и ответственность вся на нас.

ГИМН СТАНКАМ

Станки, будто люди:
они понимают,
когда беззаветно на них
нажимают.
Напрягся станок, но уверен
в успехе.
Он так запевает,
что слушают в цехе.
И, чувствуя руку
и даже не морщась,
станок переходит расчетную
мощность.
Он быстрый и сильный.
Он точный и ловкий.
Давай заготовки!
Давай заготовки!
И пусть в рукоятки влипают
мозоли,—
такая нагрузка проходит без боли.

Станки, как живые:
они понимают,
когда бестолково на них
нажимают,
станок начинает тотчас упираться.
Он делает вид,
что забыл операцию.
Трясется горой механических
мускулов.
То свистнет резцом,
то плюнет эмульсией.
Хоть верь, хоть не верь,
но станки понимают,
когда из корысти на них
нажимают.
Станки — работяги
с особенным норовом.
И все это, братцы,
действительно здорово!

А. Локтев — Павел Корчагин. В. Сафронов — Николай Островский.

ПЕСНЯ О МУЖЕСТВЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Е. УМНОВА.

Душа и сердце необыкновенного спектакля, конечно же, молодой артист Алексей Локтев, играющий своего Павку Корчагина на редкость искренне, вдохновенно, я бы сказала, с упоением.

Едва появляется Павка на сцене Московского театра имени А. С. Пушкина,— весь переполненный жаждой жизни, но еще совсем не знающий ее, не понимающий пока даже самого себя паренек, светло и радостно открытый людям и, наверное, поэтому такой добрый, неуемно стремительный, доверчивый, немножко наивный и смешной,— как вы чувствуете, что все в нем— песня. И все в нем — правда...

Герою спектакля, который создает Б. Равенских, дана в спектакле этом, звонком, но и суровом, щедро вместившем в себя словно все голоса, все краски жизни сразу, судьба столь же трудная, сколь и прекрасная... И, проживая на наших глазах эту свою судьбу, трагически нелегкую и захватывающе счастливую, А. Локтев — самоотверженно (не найдешь иного слова для определения огромной глубины и силы эмоциональной артистической отдачи),— с неиссякаемой публицистической страстью лепит образ простого русского мальчика... Только вот «простого» ли!!. Нет, талантливого, умного, незаурядного. Выйдя из «низов», он неудержимо тянется к добру, красоте, человечности, а потому-то и приходит так органично к комсомолу, партии... Становится воином своего времени, как и всех последующих времен...

«Драматической песней» назвали свою пьесу авторы Б. Равенских и М. Анчаров... Пьеса написана ими «на тему Николая Островского». Да, существует такая тема! Больше того, она была, есть и будет вечно живой в на-

шем искусстве и нашей литературе. Это великолепная тема духовного роста человека. Тема движения человека от себя к людям, к народу. Тема подвига. Вечно нужная человечеству тема мужества, великодушия, героизма...

Воплощая ее с удивительным темпераментом и экспрессией, А. Локтев одинаково хорош, заразителен, одухотворен и когда пляшет так, что дух захватывает, и когда учится у старшего друга своего, Жухрая, приемам борьбы, которая его ждет, которая ему обязательно встретится, которую обязательно надо знать, надо уметь... И когда расстается с барышней Тоней, находя в себе нелегкое решение уйти от нее — первой, нежданной своей любви... Когда смятенно-трогательно, грубовато-бережно признается Рите Устинович, что влечет его к ней не только дружба...

Но больше всего, на мой взгляд, поражают в спектакле даже не эти яркие сцены. Поражает глухая тишина, царящая в зрительном зале, когда Павел Корчагин, узнав о смерти Ленина, говорит со зрительным залом, запрокинув лицо, облитое слезами... Говорит те слова свои, которые знаем мы все. Которые знает весь мир: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

Нет, мы не видели Павку в болезни и страданиях. Мы и так все знаем о них. Но вот Павка-то вдруг — неожиданно для себя — впервые узнает на наших глазах о том, что его ждет... Узнает от писателя Николая Островского; его играет В. Сафронов.

— Скажи: я — это ты! — тихо, растерянно спрашивает Павка у Островского.

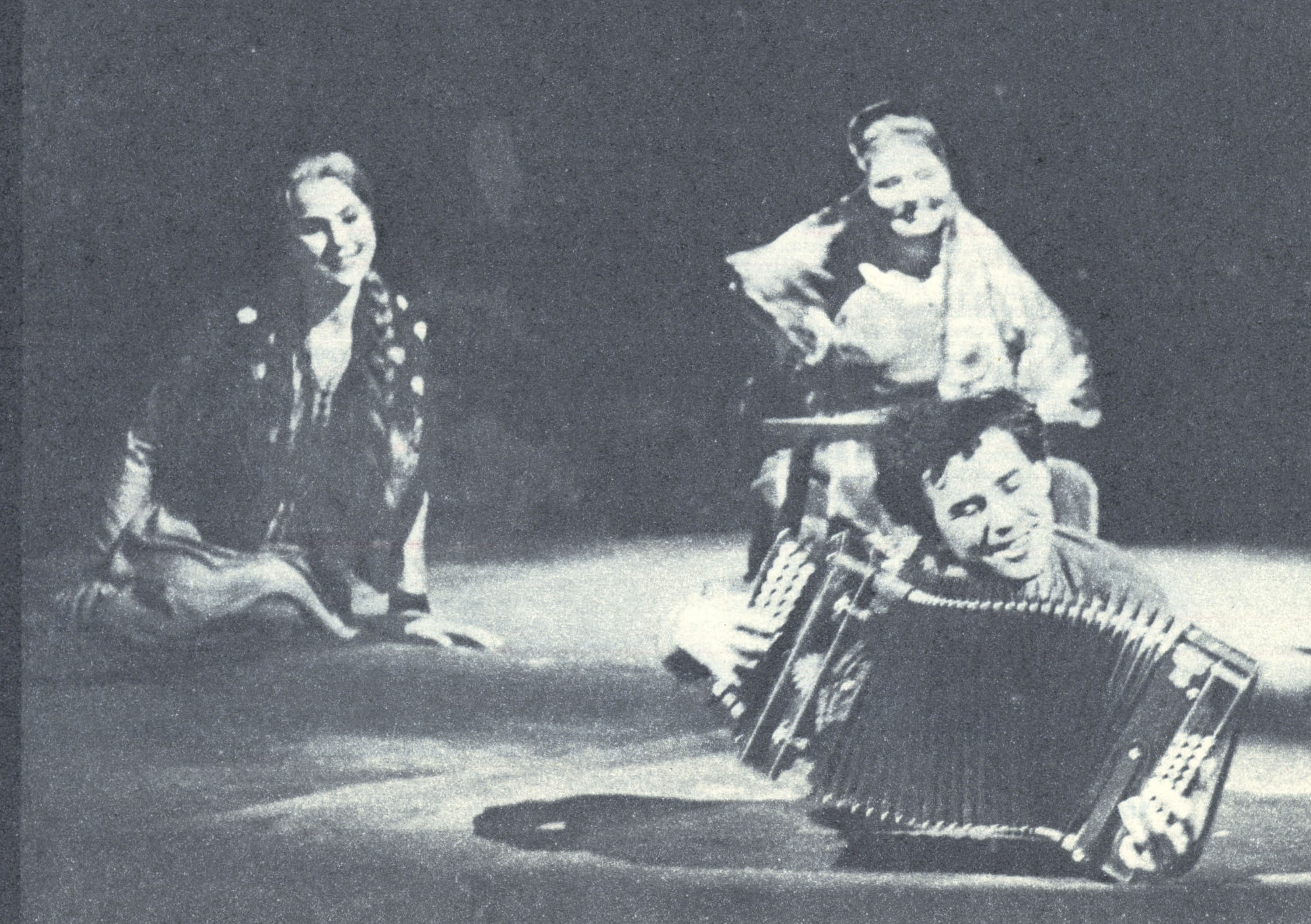
— Нет. Ты — это я,— спокойно отвечает Островский Павке...

...Вот такова эта песня, полная драматизма и живых, сильных чувств. Песня, в которую вложены душа и сердце не одного поколения большевиков.

Т. Лякина — Рита Устинович. Ф. Мокеев — Федор Жухрай.

Сцена из спектакля.

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

ПРЕКРАСНЫЕ СВЕРШЕНИЯ

В январе этого года я побывал на Кубе. Там, в порту Гаваны, я стоял и наблюдал, как с одних кораблей сгружали тракторы и части машин, а на другие грузили табак, сахар и прочие дары кубинской земли. В порту я видел новый док, недавно построенный для Кубы Советским Союзом. Оборудованный кранами новейшей конструкции, современными складами, он, очевидно, был жизненно необходим для всего народного хозяйства острова Свободы.

А в нескольких километрах от того места, где я стоял, у самого устья канала, ведущего в гавань, возвышался знаменитый старинный замок Морро, построенный еще в XVI веке для защиты Гаваны от морских пиратов.

Мне показалось, что есть некоторая романтическая связь между построенным Советским Союзом доком и древним замком Морро: эти два сооружения как бы воплощали в себе, ярко и вещественно, противоположные друг другу эпохи в истории Кубы.

Новый док помогает маленькому мужественному народу в его борьбе против современной формы империалистического пиратства. Отсюда до Соединенных Штатов — всего около двухсот километров. Соединенные Штаты десять лет подряд не оставляли попыток удушить Кубу в тисках экономической блокады. Новый док помогает Кубе отправлять морем свой сахар, ввозить тракторы, поддерживать торговлю с Европой, Азией, Латинской Америкой. Каждое торговое судно в этой гавани необходимо для нынешней свободной Кубы, как некогда был необходим старый замок Морро, маячащий сейчас, как привидение, у входа в гавань.

Вообще мне казалось в тот день, что вся эта гавань дает очень выразительное представление об облике социализма нашей эпохи и прежде всего о роли Советского Союза в поддержке и защите других социалистических стран. Пушки и самолеты имеют в наше время существенное значение, но основной силой социализма остается его способность создавать совершенно новые социальные отношения, новое общество, в которое верят народы, как и способность социализма защищать себя не только силой оружия, но и с помощью глубокой солидарности между народами и справедливого, подлинно уважительного отношения их друг к другу.

Я не живу в Советском Союзе и не являюсь советским гражданином. Мне приходится видеть и понимать, что такое Советский Союз, как бы извне. И подлинное значение Советского Союза для людей, подобных мне, прежде всего в том, как его пример отражается во всем мире; как он служит будущему этого быстро меняющегося мира; как он поучителен для всех народов нашей планеты; какие высокие ценности несет он в самые удаленные уголки земного шара, где люди, быть может, никогда и не видали советского человека, но, наверно, слыхали об Октябре 1917 года и почувствовали все значение этого события.

Вот почему предстоящий XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза получит широкий отклик далеко за пределами Советской страны. Решения съезда, которые Советский Союз положит в основу своих дальнейших планов, будут внимательно изучаться не только миллионами людей труда в разных странах; их будут тщательно штудировать ведущие государственные деятели многих стран Западной Европы, Азии, Америки. Они тоже захотят знать, какие планы строит социализм в материальной и в духовной областях.

Что же касается нас, живущих на Западе, то нам придется выдержать немалые стычки с теми бесчисленными «интерпретациями», которые тут же после съезда станут нам преподносить наши «эксперты по советским делам». Они уж позаботятся о том, чтобы все перевернуть с ног на голову! И они будут расписывать свои небылицы с таким видом, словно лично присутствовали на заседаниях съезда. Так, в виде подтасовок и клеветы постарается наша печать «преподнести» работу съезда читателям. В одном только, несмотря на все старания услужить своим хозяевам, наши газеты окажутся бессильными: в жалких попытках приуменьшить значение съезда. Сколько раз и как позорно проваливались подобные попытки в прошлом!

Социализм своими свершениями доказывает миру свои преимущества перед капитализмом. Это требует долгого и упорного труда по построению нового общества и, конечно, по обеспечению прочной защиты его от посягательств капиталистического мира. На этих путях утвердившийся социализм завоевывает в другой части мира все более многочисленных сторонников, готовых следовать его примеру.

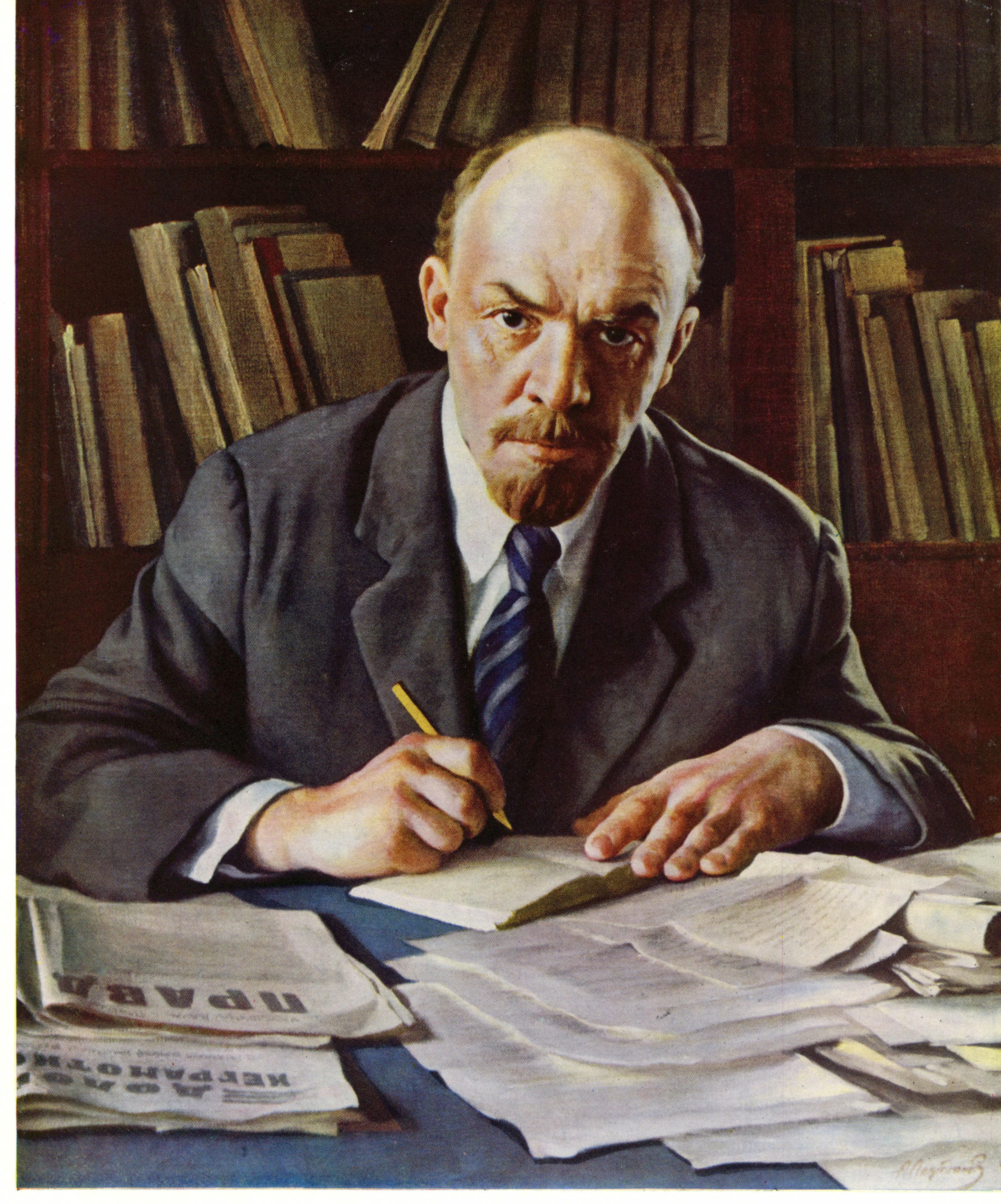
Так в моем сознании преломляется конкретный урок, усвоенный в тот день, когда я смотрел на советский док в гавани Кубы. Созидание материальной базы социализма — это реально, это понятно и ощутимо для каждого. Но тут часто задается вопрос: а в чем же должна состоять политика страны, которая стала социалистической и должна сейчас укреплять и отстаивать свою сложившуюся и успешно развивающуюся социалистическую систему?

Мне кажется, что и в этом отношении Куба представляет собой интересный пример. Потому что Куба — это как бы горячая шапка, надетая на голову огромного южноамериканского континента. Каждый, кто побывал в этом удивительном районе мира, должен был почувствовать, что на этом континенте все кипит, все полно ожидания перемен. Социализм — вот что предстоит на следующем историческом этапе вдохнуть полной грудью Латинской Америке. И здесь на Кубу ложится задача оправдать себя как страну социализма — точно так же, как это приходилось делать Советскому Союзу. И на Кубе знают, что это не может быть сделано с помощью романтических фраз, что для этого нужны реальные достижения. Вот в чем значение для Кубы помощи Советского Союза. Ибо реальные, ощутимые и прочные достижения социализма — вот чего желает и чего помогает достигнуть своим друзьям Советский Союз.

Всякого рода «сверхреволюционеры» клевещут на Советский Союз, обвиняя его в «недостатке революционного пыла». Но это — весьма растяжимое понятие: пыл может быть мужественным и целенаправленным, но может быть слепым и глупым. Какого же «революционного пыла» ожидают они от Советского Союза? Самый трудный вид подлинной революционности — это дисциплина организованной борьбы, упорная. терпеливая работа, ведущая к правильно осознанной цели, нерушимость основ социализма, твердая убежденность в революционном преобразовании мира, сплочение во имя этого всех революционных и прогрессивных сил человечества. И, очевидно, XXIV съезд советских коммунистов уделит внимание дальнейшей консолидации сил социализма.

Известному английскому альпинисту Эдварду Вимперу задавали вопрос: почему он так упорно старается подняться на знаменитый швейцарский пик Маттергорн? Он отвечал: «Да потому, что он просто есть». В Советском Союзе социализм тоже «просто есть» — его, как и Маттергорн, не сдвинешь и не переместишь в другое место. Но было бы ошибкой думать, что мир капитализма оставил свои мечты о том, как бы подорвать фундамент социализма в Советском Союзе. Значительную долю своей энергии капитализм тратит на попытки выкорчевать идеи социализма у себя дома, но еще больше усилий — на то, чтобы всячески исказить и очернить эти идеи там, где социализм победил. В этом смысле врагом номер один остается для капитализма Советский Союз. Я представляю себе, как наши министры консервативного правительства, укладываясь на ночь в постель, словно молитву на сон грядущий, повторяют втихомолку про себя проклятия по поводу самого факта существования в мире могучего и победоносного социалистического государства. И уж одному богу известно, чего просят у него в своих молитвах правящие джентльмены Вашингтона и пентагоновские генералы.

Живя в условиях капитализма, нам приходится с каждым днем все отчетливее ощущать, что этот общественный строй проходит через очередную полосу кризиса. С каждым днем общество, в котором мы живем, расползается, распадается. Но опять-таки было бы легкомыслием считать, что

А. Лактионов. В. И. ЛЕНИН ЗА РАБОТОЙ.

В. Серов. 1910—1968.

С ЛЕНИНЫМ. (Фрагмент.)

М. Клионский. МОЛОДОСТЬ.

капитализм окончательно ослабел, поглупел и готов сдать свои позиции. Нет, капитализм еще хитер и коварен и не растерял до конца своей изворотливости.

Что побуждает народы все более ненавидеть капитализм — так это политика самого капитализма. В сегодняшней Англии официально объявленная политика правительства консерваторов заключается в формуле: «Каждый англичанин должен заботиться о себе». Под этим отнюдь не разумеется, что сверх этой «заботы» правительство, со своей стороны, гарантирует ему хоть какую-то материальную помощь или социальное обеспечение. Наоборот, самую мысль о праве «каждого англичанина» на такое обеспечение предают анафеме. Власти прямо и грубо собираются лишить нас всего, что завоевано в социальной области трудящимися массами.

Даже Британский конгресс тред-юнионов, отнюдь не очень боевая организация, должен был искать места в газетах, чтобы в разделе, где печатаются рекламные объявления, за особую плату заявить свой протест против подготовленного консерваторами пресловутого «законопроекта о взаимоотношениях в промышленности». «Это попытка заткнуть рот трудящемуся человеку,— говорится в заявлении конгресса тред-юнионов,— попытка помешать ему отстаивать справедливый заработок и достойные условия работы».

Живя сегодня в капиталистической стране, нам не приходится ждать конкретных положительных улучшений, каких с полным основанием ожидаете вы от решений XXIV съезда. Мы тратим сейчас наше время даже не столько на то, чтобы поддерживать и отстаивать большие идеи социализма, сколько на повседневные выступления против разнообразных проявлений мракобесия, насильственного, хищнического характера окружающего нас капиталистического строя. Я без труда могу перечислить десятки таких выступлений — против расистской политики апартеида, против американской агрессии в Индокитае, против зверств греческой хунты, против «общего рынка»... Но не только «против» чего-либо. Мы выступаем и «за» — в поддержку народов, борющихся против империализма, в защиту баскских патриотов, Анджелы Дэвис, арабского народа Палестины, африканских народов, еще скованных цепями колониализма.

Мы внимательно вглядываемся в то, что делают народы социалистических стран для строительства и утверждения более справедливого и гуманного строя жизни. Мы знаем, что решения XXIV съезда, конечно, не будут, как у нас, направлены против интересов трудящегося человека, не будут угрожать материальному положению престарелых, ухудшать социальное обеспечение граждан. Наоборот, все эти решения будут преисполнены глубокой заботы о дальнейшем улучшении материального и духовного благосостояния советского человека.

В этом основное различие между двумя мирами — капитализма и социализма, которое мы ощущаем на себе повседневно. И даже больше того! В этом различие политических целей капиталистических и социалистических государств.

Должен признаться, что, когда я летел на советском лайнере через Атлантику, направляясь на Кубу, я невольно чувствовал, что это один из самых романтических дней в моей жизни: самолет, построенный в Советском Союзе, пилотируемый советскими летчиками, летящий прямым рейсом из одной социалистической страны в другую.

Это не красивые слова. Я говорю об истинно прекрасных свершениях социализма. Какие же новые свершения на очереди? Какие мечты вкладываете вы в планы на будущее? Что будет ближайшим шагом в это будущее? Эти вопросы возникали в моем сознании тогда, когда я покидал тот док в порту Гаваны.

На эти вопросы, как ожидаю я и ожидают миллионы людей во всем мире, достойный ответ даст XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Чтобы совершить путешествие в будущее, вовсе не обязательно быть фантастом. Просто надо очень внимательно вглядеться в день сегодняшний и выбрать такую систему отсчета, в которой, как в фокусе, сошлись бы перспективы завтрашнего дня. ...Строка проекта Директив XXIV съезда партии по новому пятилетнему плану... А что за ней, что за этой точкой на карте Родины, которая упомянута в строке!

«...завершить строительство железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

У ГРАНИЦЫ ТАЕЖНОГО ТРАКТА

Б. СМИРНОВ
Фото Г. Копосова, специальные корреспонденты «Огонька».

Если у вас карта Тюменской области четырех-пятилетней давности, считайте ее устаревшей. За эти годы на карте появилось немало изменений, и главное из них — черточка новой железной дороги от Тюмени до Тобольска. Еще через пять лет эта дорога протянется дальше на север, до Сургута, появятся на карте десятки новых кружочков, обживут люди эти глухие места и получат удобный доступ к несметным богатствам таежного края, главное из которых — нефть.

Путешествие по железной дороге, точнее, над ней, мы совершали на вертолете.

— Горно-Слинкино пролетаем!— перекрикивает шум мотора Николай Ефимович Васин, главный диспетчер управления «Тюменьстройпуть», и мне кажется, что я угадываю его мысли: вот бы с такой же легкостью проходили здесь бульдозеры...

В начале строительства сюда, в район Горно-Слинкино, была направлена механизированная бригада — мощные гусеничные машины — для расчистки будущей трассы. 35 километров болотистого пути с огромным трудом были пройдены лишь за 29 дней. И в конце концов машины все же завязли. Тогда людей стали забрасывать десантом с вертолетов...

— Туртас!— показывает вниз Васин.

Просека размахнулась здесь в ширину на сотни метров. Я вспомнил, что тут по проекту большая станция — вокзал, поселок и крупный леспромхоз: вон какие могучие кедрачи вокруг! Возможно, здесь возникнет и еще какое-нибудь предприятие: рядом железная дорога и крупный приток Иртыша.

Уже больше часа летим над рельсами, и вдруг они кончаются. Очищена от снега просека, стоит путеукладчик и платформы с звеньями рельсов и шпал. Вертолет делает круг, снижается. «Как называется это место?» «Разъезд «Светлана»!» Не иначе, проектировщик, нанося на схему это название, затосковал... Через много лет, когда разъезд «Светлана» заживет своей жизнью, возможно, родится легенда о прекрасной девушке, чье имя он получил.

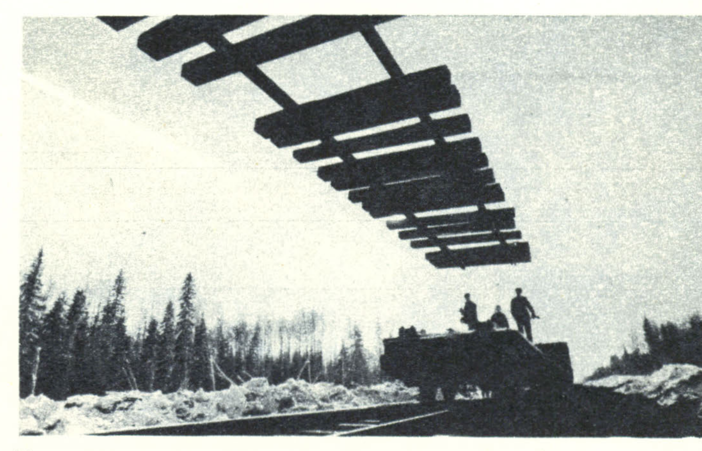
Сейчас здесь нет даже километрового столба. Есть только земляная насыпь и «верхнее строение пути» — так называют дорожники звенья рельсов и шпал. Звенья только что легли на мерзлую землю, и на них осторожно вкатывается платформа.

— Вот так идем вперед, примерно по километру в день,— говорит бригадир укладчиков Виктор Малозин.— Уже и не помню, сколько этих километров уложил.

Мы сидели в маленьком, жарко натопленном вагончике-балке и сообща пытались разобраться, чем же хороша работа путейца-строителя. Легкостью, простотой? Об этом и говорить не приходится — попробуй-ка в сибирскую стужу весь день управляться с тоннами металла, укладывая, как по линейке, десятки звеньев путей! Механизмы механизмами, а и без лома дело не пойдет. Заработком? Да нет, Виктор пожимает плечами, в иных местах зарабатывают больше. «О спокойной жизни и не помышляем: вечно на колесах с семьей, детьми и домашним имуществом». Виктор живет так уже пятнадцать лет — с тех пор, как в армии отслужил. Это у него четвертая по счету стройка. Женился, растит сына.

— У нас в бригадах не часто люди меняются, работа уж такая, привыкаешь к ней. Мне, например, нравится...

В Москве нам представлялось: увидеть строительство дороги очень просто. Но оказалось, что строительных площадок на трассе несколько: в одних местах рубят просеку, в других — готовят земляное полотно, укладывают пути, строят мосты. В общем, дорогу строят и с разных концов и с середины. Вот в этой-то «середине» мы и приземлились. Здесь трассу пересекает река Большой Салым. Прошедшим летом несколько барж доставили по Салыму стройматериалы, машины, продовольствие, одежду и прочие грузы, необходимые строителям. Тогда же сгрузили на берег и многие тонны рельсов, шпал и даже два небольших тепловоза. А рядом с причалом надрывались бензопилы, гудели бульдозеры.

В день нашего приезда укладка путей велась на 371-м километре. С тех пор дорога шагнула далеко вперед.

Мы идем по поселку Салым — его нет еще ни на одной карте, разве что на специальных схемах строителей да на полетных листах вертолетчиков, которые прилетают сюда ежедневно. Раньше здесь были три избы хантов и изба геологов, и называлось это место Кинтус. Сегодня в поселке несколько улиц, десятки домов, ярко-желтых, новеньких, пахнущих кедровой смолой. Возле столовой рокочут моторами громадные, пушистые от инея «Уралы». Школьники, хохоча, возятся в снегу под большим термометром, который показывает минус 29 градусов. Словно большая эскадра, пускают в небо вертикальные дымы трубы котельных. Стучат топоры, летят стружки — строится Дом культуры.

— Так вы путешествуете по нашей трассе в будущее?— с улыбкой встречает нас начальник строительно-монтажного поезда № 198 Виктор Филиппович Горченок.— Только не взыщите: никакой машины времени, кроме грузовика, предложить не могу!

Машина катится по просеке, по ровной насыпи, на которую скоро лягут рельсы. Потом насыпь кончается — и мы на «зимнике». Бугры и канавы, кажется, специально бросаются под колеса, чтобы выбить пассажиров из кузова. Грузовик съезжает в карьер, наполненный грохотом бульдозеров, самосвалов, экскаваторов; на дно вычерпанного ковшами болота укладывают толстую земляную подушку будущего железнодорожного полотна. А дальше пока дороги нет. Последние десятки метров мы идем пешком, проваливаясь в сугробы, и, наконец, упираемся руками в шероховатые стволы кедров. Сегодня граница будущего проходит здесь...

А. СТАСЬ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька».

Точная дата события не сохранилась. Однако факт всем в селе известный и ни у кого не вызывает сомнения: первые в Голубином фабричные суконные штаны появились у Ивана Молнара. Он купил их в Мукачеве. Тайком принес домой и долго прятал под сеном. Но однажды не устоял и надел, отправляясь в воскресенье в церковь. Увидел на нем добротные черные штаны отец — старый Молнар — и на всю жизнь разругался с сыном. Еще чего не хватало! На что крейцеры потратил! Все люди ходят в полотняных, в домотканых, а его-то сын ишь как размахнулся.

В общем, вышла большая свара. Иван, плюнув от злости, завербовался да и уехал в этих самых новых штанах в Америку. Будь она неладна, жизнь в Голубином! Один угор — полгектара — землицы, да и той половина на холмах, а ртов сколько! Гни-гни спину, хоть сломайся, все равно из нищеты не вылезешь. В Америке, там, говорят, если с умом, лопатой золото загребают. Там...

ДИНАС

Что было там, за океаном, Иван Молнар не очень любил рассказывать, вернувшись вскоре домой, в свою же хату, на свой же угор земли и, как некоторые посмеивались, в тех же мукачевских штанах. Однако кое-какие подробности о жизни Ивана Молнара в Америке его сын, Михаил Иванович, все же знает. В американском городе Питсбурге нянько здорово изучил географию. Можно сказать, стал в этом деле специалистом. Все большие города, какие есть на земле, хранил в памяти. Почему? Да потому что работал на каком-то заводе, нанося на ящик с товаром при помощи трафарета название города, куда товар отправляли. А ящики отгружались в самые разные страны. Вот так и постиг закарпатец науку географию.

С улыбкой рассказывая нам об этом, преподаватель географии Михаил Иванович Молнар разводит руками:

— Как знать, может, и мое пристрастие к этой науке от батьки пошло. А еще,— продолжает Михаил Иванович,— отец песни очень любил. Голос был у него красивый, звучный.

Первоклассница Мирослава Сможаница:

— Я тоже буду учительницей!

— Вот сколько нас, Молнаров,— педагогов, учителей, воспитателей.

ТИЯ ИЗ ГОЛУБИНОГО

И такие он песни знал, что люди со всего села послушать приходили. И эту свою любовь нянько детям передал.

Тут уж нам и объяснять ничего не надо было. Мы сами слышали, как поют Молнары, когда побывали у Михаила Ивановича. Собрались у рояля Маргарита, Сергей и Нина и еще Надежда и Людмила Молнары. Да как взмахнул по-дирижерски рукой Василий Молнар, и как подхватили песню Молнар Терезия и Молнар...

Но расскажем все по порядку.

...Зима была нынче в Закарпатье искристая, солнечная. Горный снег глаза слепил, хотя в районе Свалявы больших гор не видно, нет их и за веселой речушкой Пени, все же и равнинной местность не назовешь. Бежит, извиваясь, вдаль дорога, бежит мимо живописных сел-городков, мимо древних замков, мимо холмов, где сверкают инеем деревья. Бежит дорога и вливается в село с хорошим названием Голубиное. Может быть, мы и проехали бы мимо этого села, если бы наш спутник Юрий Петрович Тидор, секретарь райкома партии, по профессии учитель, не сказал вдруг:

— Хотите, я познакомлю вас с Молнарами? Это целая учительская династия. И все отсюда, из Голубиного, вышли. Самый старший, Михаил Иванович,— директор школы, заслуженный учитель Украины и, скажу вам, душа села. Обаятельный человек, прекрасный педагог. А вообще-то учителей в роду Молнаров, наверное, будет человек пятнадцать, если не больше. И все в нашем Свалявском районе работают. Интеллигентные люди, всеми уважаемые.

Как же нам было не остановиться в Голубином?

И вот мы у Михаила Ивановича Молнара. В школе-восьмилетке, которую сам он с помощью колхоза строил. Просторная школа, двухэтажная, стоит в самом центре села. За окном директорского кабинета заснеженные холмы поднимаются к далекому лесу. Высокий человек в ярком спортивном свитере командует юными лыжниками, которые веселой стайкой скользят вниз по склону. Мы узнаем, что это преподаватель физкультуры Иван Михайлович Безик. Он ведь тоже к молнаровскому семейству принадлежит: женат на сестре Михаила Ивановича, Маргарите Ивановне, которая преподает здесь русский язык. Жена Михаила Ивановича, Мария Васильевна, тоже тут учительствует и заведует школьной библиотекой. Брат директора, Василий Иванович, учит школьников Голубиного русскому, английскому и немецкому языкам. Жена его, Анна Степановна, ведет 1—3 классы. Их дочь, Надежда Васильевна,— преподаватель английского в техникуме пищевой промышленности в Сваляве. Вторая дочь, Людмила, работает пионервожатой в соседнем селе Поляна...

Откровенно говоря, мы запутались: мужья, жены, братья, сестры, зятья, племянники — все из рода Молнаров, и все занимаются педагогической деятельностью. А ведь мы только-только прикоснулись к династии. Нет, так дело не пойдет! Кто-то должен нам помочь — представить все это удивительное семейство, связанное не только родственными узами, но и общими интересами, одинаковой профессией, которую освоило уже второе поколение Молнаров.

— Для такой беседы с вами есть в роду и постарше меня,— сказал Михаил Иванович.— Наша первая воспитательница и учительница. Правда, никаких дипломов у нее нет, но к школьному делу она прямое отношение имела. Это наша мама.

Мария Ивановна Молнар — старенькая, сухонькая, с добрыми, теплыми глазами — могла бы рассказать столько, что хватит не на одну книгу. Михайло у нее старший. А кроме него, вырастила она с покойным Иваном еще семерых: Елену, Василия, Андрея, Терезию, Магдалину, Ивана, Маргариту. И все стали учителями. Кроме Ивана. Он тоже в школе работал, а потом перешел на лесокомбинат...

Когда старший сын еще при панах в гимназию пробился, надо было платить за учебу, а нечем. Она и пошла в школу уборщицей. Думала ли, что сын Михайло когда-нибудь в школе станет директором? Да что вы, люди добрые, и в мыслях такого не держала. Сын, как

Маргарита Ивановна руководит школьным хором.

Молодое поколение Молнаров.

На прогулке.

и отец, к песне, к музыке тянулся с детства. Вот и была надежда, что станет он учителем пения. Вообще-то мать не ошиблась. Михайло уже и директором стал, а в сельском хоре все был за старшего. Песенников из Голубиного не раз признавали лучшими по всему Закарпатью. У сына полон стол грамот и благодарностей. И внучка Нина, дочка Михайлы, песни любит. Она скоро окончит университет в Ужгороде и тоже учительницей будет. А Михайло свой хор недавно передал молодым. Работы у него много. В сельсовете депутат, и в школе, шутка ли, почти 500 учеников.

Среди детей Марии Ивановны есть уже и немолодые — тот же Михаил Иванович да Елена Ивановна. Но для матери они по-прежнему дети. Старшая, Елена, живет в Виноградове. Всю жизнь отдала школе, ребятам. Да и своих у нее пятеро. Подрастают дочери Елены, замуж выходят: у Екатерины муж — учитель, и у Наталки, которая в Ужгороде воспитательницей в детском садике, тоже муж — педагог. Младшая дочь Елены, Леся,— на пятом курсе университета, будет преподавать украинский язык.

У Василя — он после Михайлы родился — вся семья учительская. Сам он, жена, две дочери. Его не только в Голубином знают. Он и языки в школе преподает и учит ребятишек музыке. А как же? Чтобы свое родное Закарпатье не забывали и чтобы русскую музыку знали. Русский, считай, половина рода Молнаров преподает. Потому что этот язык на Закарпатье издавна любили и любят, так же как украинский. Сам Василь на скрипке играет, на баяне. Он и песни сочиняет. Про свое Голубиное, про новую жизнь, про людей хороших. В сельском хоре его песни разучивают...

Мать продолжает свой бесхитростный рассказ. Об Андрее Ивановиче Молнаре, учителе немецкого языка в соседнем селе Нелипино. О его жене Терезии Васильевне, которую мы в свалявском детском садике увидели в окружении малышей. Об их дочери Татьяне, пионервожатой, студентке-заочнице университета, будущем филологе. О Терезии Ивановне Молнар-Попович, учительнице младших классов в селе Поляна. О ее сыне Валерии, который поступил в музыкальное училище. Там же, в полянской школе, преподает русский язык Павел Дмитриевич Фотул, муж учительницы Магдалины Ивановны Молнар, самой младшей дочери Марии Ивановны.

Послушали мы этот рассказ, и нам очень захотелось увидеть всех Молнаров. И тех, кто уже долгие годы провел в школьном классе, и тех, кто помоложе, кто только готовится к своему первому звонку, к своей нелегкой работе. Да разве всех объедешь!

Но Михаил Иванович сказал, что это не беда. Во-первых, студенты сейчас на каникулах, значит, приехали домой. Во-вторых, все Молнары работают почти рядом — Свалява недалеко от Голубиного, и Поляна тоже. Автобусы через каждые десять минут ходят. «Живем мы дружно, только кликни, так все по цепочке и пойдет».

Михаил Иванович кликнул. И на другой день в его доме собралось 22 человека. Люди высокой культуры, приветливый, чудесный народ. Смех, шутки, веселая суета... Вот тогда молодежь и подошла к роялю. А Василий Иванович — скрипач и баянист — стал за дирижера. Полилась песня. Одна из тех, которые любил Иван Андреевич, закарпатский крестьянин, давший жизнь учительскому роду Молнаров. Эх, если бы он смог увидеть свое семейство теперь!..

Тут меня отвел в сторонку Михаил Иванович и заговорил:

— А ведь все это учительство только из моего молнаровского колена. Если пригласить и тех, которые по линии моей жены, набралось бы еще человек двенадцать. Ее родные братья — Эммануил, Василий, Антон — работают в школах Мукачевского района. Степан — доцент Прешовского филиала Братиславского университета в Словакии, декан факультета русской филологии. И дети почти у всех — педагоги. И за учителей замуж повыходили и на учительницах женились. Там уж настоящий интернационал. Жены — польки, словачки; мужья — венгры, чехи. Я о них вам потому раньше не говорил, что за день-то всех не соберешь...

Сегодня на стол накрывает Нина — студентка Ужгородского университета.

У Дома культуры.

НА МАРШРУТАХ ПЯТИЛЕТКИ

ОГНИ В ДОЛИНЕ

«В Таджикской ССР... Довести производство хлопка-сырца в 1975 году до 760 тыс. тонн... Ввести в сельскохозяйственный оборот 70 тыс. гектаров новых орошаемых земель...»

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

Ю. КРИВОНОСОВ, Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Еще три десятка лет назад не только колхоза здесь не было, а даже и не жил тут почти никто. Но стране требовалось все больше хлопка, и тогда спустились с гор в долину люди. Расстались с привычным укладом жизни, со своими садами и пастбищами и принялись за новое, незнакомое для них дело. И вот теперь сами эти люди и ставшие взрослыми дети их собрались на торжественный митинг, посвященный радостному событию: успехи колхоза имени Ленина, Восейского района, в минувшей пятилетке были отмечены высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Много душевных слов было сказано в этот праздничный день и самими виновниками торжества и их соседями из близлежащих колхозов и районов. Принимая поздравления, хозяева с гордостью говорили о том, что было сделано за пять лет. А сделано немало. В завершающем году пятилетки на заготовительные пункты было вывезено 14 120 тонн хлопка. Это больше, чем дают иные целые районы. А уже на первый год девятой пятилетки колхоз берет еще более высокие обязательства — четырнадцать с половиной тысяч! Есть для того основания. Тут смогли полностью механизировать многие трудоемкие процессы, и вот результат. Производительность труда выросла на семьдесят процентов. А это потянуло за собой еще один приятный процесс — начала увеличиваться оплата труда, и к концу пятилетки доходы колхозников возросли в полтора раза.

Минувшие годы были и годами большой стройки. Кроме жилых домов, школ, клубов, складов, коровников, сооружено и свое колхозное водохранилище емкостью более двадцати миллионов кубометров. Воду сюда провели из горной реки — прорыли тринадцатикилометровый канал. Сейчас здесь идет новое накопление воды: хлопок «выпил» весь прошлогодний запас, превратив дно огромной чаши в жаждущий такыр...

Над колхозными полями возвышается гора Ходжи Мумин. Ею здесь все очень гордятся. Знаменита она тем, что вся состоит из соли —

Для Файзи Джугиева, как и для каждого тракториста, весна — время радости.

Идет заполнение колхозного водохранилища.

обыкновенной поваренной соли, запасов которой хватило бы всему человечеству на много веков. Но гора — явление нерукотворное, а ехали мы мимо нее по вполне рукотворному шоссе, построенному колхозом имени Ленина. Первый секретарь Восейского райкома партии Мирзо Бобоев, с которым мы ездили по бригадам колхоза, избран делегатом XXIV съезда КПСС и сейчас, в предсъездовские дни, торопится побывать на всех участках района, побеседовать с людьми и о предстоящей пятилетке и о делах сегодняшних. Секретарь, куда бы мы ни приезжали, был не просто знаком с большинством колхозников, а знал и их семьи и их судьбы. На одном из полевых станов он познакомил нас с двумя бригадирами.

— Удивительное совпадение,— говорит секретарь, представляя нам бригадиров,— анкета одного во всем подходит и для другого — оба Гафоры Абдуллоевы, 1927 года рождения, имеют по шесть детей, механизаторы, каждый отвечает за 144 гектара хлопковых полей. И урожайность в бригадах у обоих примерно одинаква. Правда, различие все же есть — один из них депутат Верховного Совета СССР.

Из полевого стана мы отправились в горы, к чабанам, у которых была самая горячая пора — начался массовый окот овец. И опять машина мчалась по отличному асфальтированному шоссе, и мы узнали, что дорога длиной в двадцать четыре километра связала колхоз с районным центром, с железной дорогой и городом Кулябом и теперь колхозники передали ее государству. И продолжают строить новые дороги.

О завтрашнем дне хозяйства, о задачах на новое пятилетие нам рассказал председатель колхоза имени Ленина, член ЦК КП Таджикистана, Герой Социалистического Труда Мирали Махмадалиев. Он, уважаемый и любимый всеми колхозниками, серьезен, деловит, отлично знает свое дело. Про него, человека необычайно веселого, остроумного, рассказывают много всяких любопытных историй, а в частности, и такую: еще никому из приезжих не удалось обыграть его в шахматы или бильярд.

— Разумеется, на первом месте для нас остается хлопок,— говорит председатель.— Только мы помним, что в конечном счете все делается ради человека.

На центральной усадьбе вырастет экспериментальный поселок — здесь будут дома со всеми удобствами, стадион. Построим новую больницу, свой колхозный санаторий. Все наши поселки получат отличную питьевую воду.

И вдруг наш собеседник, словно вспомнив что-то, спросил:

— Вы знаете, сколько у меня детей?— И, не ожидая ответа на этот риторический вопрос, продолжал: — Я счастливый отец... Десять детей! И за судьбу каждого из них я спокоен. Я вам говорил о планах на будущее. Это о них говорил... О детях, об их будущем...

И умолк. О чем-то задумался. О детях? О будущем своей земли? А за окном уже сгустились плотные сиреневые сумерки, перечеркнутые сахарной цепочкой снежных вершин, и вся долина усыпалась золотой россыпью огней— обозначились невидимые за дневной дымкой поселки.

И там, где поселков не было, в быстро чернеющей мгле по долине бродили одинокие светлячки.

— Сеют...— сказал председатель и улыбнулся улыбкой очень счастливого человека.

Первая весна новой пятилетки. На полях орденоносного колхоза имени Ленина началась горячая пора. Много забот в эти дни у колхозного агронома Эмомали Усмоналиева. ▶

Мирали Махмадалиев со своим младшим сыном.

В одной из двенадцати построенных колхозом школ.

Гафор Абдуллоев в гостях у Гафора Абдуллоева.

Майдагуль Бегова — хлопкороб из 22-й бригады.

Сона Мурадова и народный артист Туркменской ССР А. Бекмурадов в спектакле Т. Эсеновой «Твоей любовью».
Фото Д. Ухтомского.

ПО-ДРУГОМУ ЖИТЬ НЕ МОГУ

Корреспондент «Огонька» Нат. Алексеева обратилась к коммунистке, туркменской актрисе Соне МУРАДОВОЙ, народной артистке СССР, депутату Верховного Совета СССР, с просьбой рассказать о жизни и творчестве.

Рассказывать о себе всегда трудно; гораздо легче говорить о людях, воспитавших тебя, о товарищах по работе, о родной земле... Но сейчас я думаю, что жизнь моя, как и любого советского человека,— это, наверное, в какой-то степени и есть итог жизни моей страны, моих современников. Ведь человека не сравнишь с одиноким деревцем, чудом выросшим в бесплодной пустыне. Я думаю, человек — словно лист среди других бесчисленных листьев на буйно разросшемся, могучем дереве жизни, впитывающем соки родной земли.

Радостно сознавать, что я могу с гордостью, без запоздалых угрызений совести вспомнить прожитые годы. Потому что всю жизнь мою, весь смысл ее можно заключить в одно-единственное слово: р а б о т а. Трудная — иной я не признаю — работа. Нужная и полезная не только мне, но всему народу, которому я принадлежу.

Я говорю «народу», и перед мысленным взором встают лица многих и многих людей. Взволнованные, благодарные лица зрителей, сидящих в зале; озабоченные, деловые — колхозников, с которыми я встречаюсь как депутат и актриса; веселые и в то же время внимательные — ребят-школьников: мы довольно часто выступаем перед ними.

Но я помню и никогда не забуду другое... Помню горе и отчаяние, ужас, застывший на лицах людей, когда они остались без крова, потеряли близких в землетрясении, разрушившем родной Ашхабад в 1948 году... Помню тоскующие глаза светловолосых беженцев, не по своей воле покинувших родные места во время войны с фашизмом...

Помню и то, что было гораздо раньше: скорбящее, кроткое лицо матери, оплакивающей моего отца, умершего в 1919 году. Лицо матери, чьей ласки и заботы нам, четверым детям, так и не удалось хорошо узнать... Старшие братья вторично продали замуж молодую женщину, равнодушно обрекая нас, детей, как щенят, на голодную смерть... К счастью, в Туркмению уже пришла Советская власть. Нашлись добрые люди, они отправили нас в детский дом. Советская власть брала детей, будущее нового Туркменистана, на свое попечение. В детском доме я впервые познала душевную доброту, искренность русских женщин, наших воспитательниц, сумевших многим туркменским детям, мне в том числе, заменить матерей. Быть может, поэтому-то я так любила и люблю играть в своем театре роли русских женщин, самоотверженных и сильных. Любимый же мой образ — Васса Железнова; кажется, всю жизнь могла бы ее играть, никогда не повторяясь, с той же взволнованностью, что и первый раз, с тем же преклонением перед силой характера. Но о театре потом...

В тридцатом году я окончила педагогический техникум. Пока училась, играла в драмкружке, не подозревая, что вскоре на основе таких вот драмкружков будет создан первый в Туркменистане национальный драматический театр и что я буду в нем работать, стану актрисой... До тех пор я еще успела узнать и преподавательскую работу, радость встречи с людьми, которые так хотели знаний, так тянулись к новой жизни, что я была беспредельно счастлива, чувствуя себя им полезной... Как знать, может, я так и осталась бы сельской учительницей, но помешали басмачи. Они разыскивали меня, чтоб расправиться, и вот после одного из очередных налетов басмачей на аил пришлось уехать в город... В те годы мало кто из туркмен, боровшихся за Советскую власть, мог чувствовать себя в безопасности; многие мои подруги трагически погибли.

Сейчас мне кажется, что я помню каждую минуту тех трудных дней. Чем дальше от них уносит меня время, тем отчетливее они встают передо мной, каждый из них... Между тем как многие годы работы в театре, куда я пришла в тридцать четвертом году, вслед за старшей сестрой Сурай, кажутся мгновением — счастливым, радостным... Поэтому мне очень трудно разбирать свою жизнь в театре по годам и ролям. Конечно, я могу назвать каждое важнейшее событие своей жизни. В 1940 году вступила в партию, в сорок девятом удостоена звания народной артистки Туркменской ССР и награждена орденом Трудового Красного Знамени; в пятьдесят первом стала лауреатом Государственной премии, в пятьдесят пятом — народной артисткой СССР, а в шестьдесят шестом избрана депутатом Верховного Совета СССР... Но вот перечислить сыгранные роли невозможно: у меня не было времени даже сосчитать их... Хотя помню все пьесы, в которых я играла, будь то «Ревизор», «Доходное место», «Отелло»... Все роли, большие и маленькие, мне одинаково дороги. Каждая из них добавляла несколько капель в чашу приобретаемого мною опыта, актерского мастерства...

Наверное, потому, что я работаю в театре уже около сорока лет, для меня мир разделился как бы на две части: с одной стороны, это все люди, **которых** я играю,— туркмен и нетуркмен, современник и несовременник, друг или недруг... А с другой стороны, это люди, **для которых** я играю,— мои зрители. И вот мне мало видеть их и помогать им только со сцены: я хотела бы всегда быть близка к их жизни, к их заботам, помогать им вполне реально, а не одной лишь мудростью наших спектаклей и героев... Я все время хочу знать, должна знать, чем они живут, что их волнует. Тем более что, став депутатом, я чувствую свою ответственность не только за духовные, но и за материальные ценности страны. Ведь депутат, хлопоча по делам своих избирателей, может участвовать в строительстве железной дороги, газопровода, колхозного Дома культуры, в выращивании фруктов и даже ткачестве знаменитых туркменских ковров...

Считаю, что **народный** артист по-настоящему народен не из-за того только, что зритель знает и любит его работу в театре. Артист должен сам, во всех важных, главных подробностях знать жизнь людей, приветствующих его из зрительного зала. Только в этом случае можно стать хорошим артистом. А посредственных у нас, я думаю, и быть не должно.

Вот это мы, коммунисты, и обязаны внушать молодой актерской смене, воспитывая ее... Как у многих актеров моего поколения, у меня есть ученица; я готовлю с ней роли, сыгранные мною в молодости. Я учу ее актерскому мастерству: умению двигаться на сцене, а еще больше — умению проникать в суть образа. Учу ее тому, что просто необходимо современному актеру: дисциплине, добросовестности. И хочу, чтобы моя ученица поняла: актеры — это тоже своего рода воины нашей Родины, стоящие на страже истинных духовных ценностей народа — идей коммунизма, бережно их охраняющие.

Чтобы это понять, надо найти радость в своем труде.

По правде сказать, я не знаю, что такое отдых в санаториях: обычно во время отпуска встречаюсь с избирателями, отчитываюсь перед ними. А после репетиций и перед началом спектаклей надо успеть разобраться во многих делах театра: ко всему прочему я еще и председатель месткома... Дома же приходится перечитывать новую пьесу, думать над ролью...

Ну, а потом для каждой женщины дом есть дом. Тут тоже немало дел. Я не только актриса, но и мать, и бабушка, и хозяйка. А в хозяйстве надо все делать хорошо: не люблю ничем заниматься приблизительно, делать наполовину, не люблю сидеть сложа руки... И другой жизни для меня нет и не будет, потому что я сама по-другому жить не могу...

Прекрасна наша земля, ее реки, долины, и так же прекрасны люди, живущие на ней. Пусть же солнце и счастье светят каждому человеку. Но и пусть каждый человек не забывает, что счастье не похоже на солнце. Само собой, помимо воли человека, счастье не озарит жизненный путь; счастья можно добиться только трудом.

НЕ ВСЕ ЗАРАНЕЕ ИЗВЕСТНО

Олег ШМЕЛЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Берн — город столичный, город чинный. Обитатели иных, более легкомысленных городов Швейцарии говорят, что в Берне взрослые не смеются, собаки не лают, а дети не плачут. Неизвестно, то ли местные жители действительно не подвержены страстям, то ли умеют не проявлять их во всеуслышание. В самом деле, с первого взгляда горожане оставляют впечатление бесстрастности. Однако...

Вот выкатилась на глянцево-зеркальную арену цепочка одетых в красное хоккеистов, и на трибунах дотоле тихого ледового стадиона вспыхнули громкие аплодисменты. Появилась надежда, что бернцы еще не до конца закоснели в своей пресловутой невозмутимости. Когда же началась первая игра XXXVIII чемпионата мира, когда Петров забил первую шайбу в ворота команды Федеративной Республики Германии, надежда превратилась в уверенность.

Отгремели трибуны, и в паузе вдруг раздалось басистое: «Шайбу! Шайбу!» Это был, конечно, не тот мощный, отлично слаженный тысячеустый хор, который мы привыкли слышать в Лужниках, скорее, чисто любительская капелла, но в голосах звучали страсть и призыв. Было чему удивляться: ведь наши туристы на этом матче не присутствовали. Кто же бросал призывный клич? Швейцарцы! А потом мы увидели плескавшийся над людской массой алый флаг с серпом и молотом. Он был в руках у совсем молоденькой девушки. Она восторженно выкрикивала что-то по-немецки, хотя перекричать общий шум, конечно, не могла...

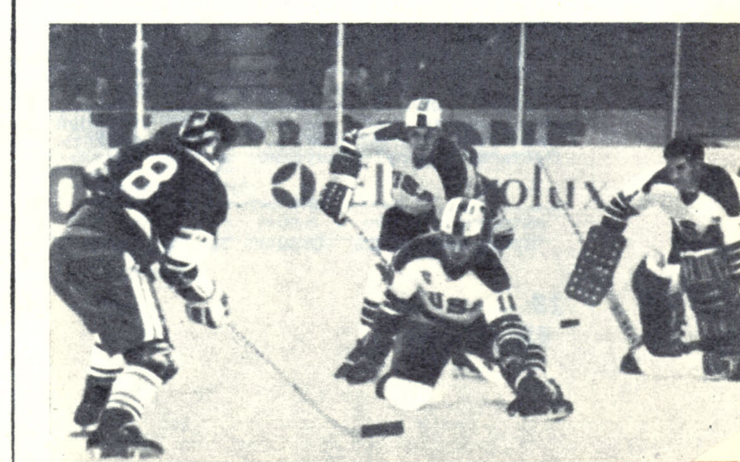
Тот, кто ждал сенсации, на худой конец пусть и небольшой, был удовлетворен сверх всякой меры матчем сборных Чехословакии и Соединенных Штатов.

Чехословацкие хоккеисты не нуждаются в рекомендациях. Они сами прекрасно сознают это, и, вероятно, сознание собственной силы стало одной из главных причин их поражения. Уверенный в себе, непогрешимый академизм натолкнулся на отчаянный задор команды, которой нечего терять, кроме малопочтенного звания аутсайдера. Так можно определить ход этого матча с эмоциональной точки зрения. А если говорить о других слагаемых, то американцы нисколько не уступали своим грозным соперникам в технике и превосходили их в скорости и в умении бросать по воротам из любого положения.

Победу над одной из трех сильнейших команд мира с убедительным счетом 5 : 1 невозможно считать случайной, и любители сенсаций нервно потирали руки в предвкушении встречи американцев со шведами. Но хоть на сей раз сенсации и не произошло, однако она все время витала где-то рядом, лишь после предельного напряжения всех сил шведам удалось победить со скромным счетом 4 : 2. На что же способны американцы? Ответ на этот вопрос все ждали от матча СССР — США. И вот наконец он состоялся и все поставил на свои места. Нет, не смогли американские хоккеисты сдержать сокрушительный натиск сильнейшей команды мира, полным крахом кончилась для них борьба на ледяном поле с хоккеистами СССР. Любители сенсаций должны были умерить свои надежды. Но все же надо признать: у любителей сенсаций есть все основания надеяться на ближайшее будущее — в Женеве. Порукой тому — матч Чехословакия — США, который послужил острой приправой ко всему чемпионату мира и доказал, что не все заранее известно в большом хоккее.

Берн. По телефону.

В. Старшинов атакует ворота команды США.
Фото ТАСС.

МЫ ВЕРНЕМСЯ

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

РАЗВЕДГРУППА «ПЛАМЯ» ДЕЙСТВУЕТ

Обжив лагерь, разведчики приступили к выполнению задания.

Конечно, действие всей группы значительно облегчилось бы, если б удалось установить связь с отрядом Млынского.

Как найти отряд? Это первая трудность. Без проводника сделать это было невозможно.

Но найти отряд — это еще полдела. Группа чекистов-разведчиков имела свои задачи, которые требовали особой конспирации.

Установление связи с отрядом вынуждало к крайней осторожности. Разведчики на первых порах попытались связаться с жителями окрестных деревень. Нашли себе помощников. Через них узнали, что происходит в селах и деревнях, только после этого вышли на связь с теми, кто был оставлен для подпольной работы. Нашли железнодорожного обходчика Зарубина и врача районной поликлиники Журавля.

Информация в «Центр» передавалась, как это было обусловлено, по радио.

Когда ночь опускалась на лес, радист Прокопченко и Дьяков выходили из лагеря и углублялись в лес. Обычно в глухом месте Прокопченко развертывал рацию и в строго определенное время выходил в эфир. Услыхав знакомые позывные, он быстро передавал радиограммы, принимал указания «Центра». Закончив передачу, быстро сворачивали рацию и возвращались в лагерь. Днем отдыхали, а ночью уже в другом месте опять выходили на связь. И так изо дня в день «Центру» передавались свежие разведданные.

Но однажды случилось непредвиденное. Как всегда, разведчики ушли километров на двадцать — двадцать пять, развернули антенну, настроились на свою волну, вышли в эфир. Прошло пятнадцать минут. Прокопченко отстукивал последние строчки шифрованной радиограммы, когда Дьяков услыхал гул. К разведчикам по вспаханному полю приближалась крытая машина с вращающейся антенной. Следом два грузовика с немецкими солдатами.

Разведчики быстро свернули радиостанцию и скрылись в чащобе. Отлежались в кустарнике, а когда убедились, что немцы прочесывают лес в том месте, откуда они ушли, отползли подальше, перебежками достигли опушки леса и залегли на кукурузном поле.

Медленно тянулось время. Наконец машины тронулись в обратный путь.

Уходить сразу не стали, опасаясь попасть в засаду. Решили отсидеться в кукурузе и двинуться обратно только на следующую ночь.

Спали по очереди. Минул день. Небо заволокло тучами. Сгустилась темнота.

На базу вернулись глубокой ночью, усталые, голодные.

Доложили Афанасьеву о всем случившемся.

Капитан задумался. Немцы ухватились за ниточку, которая хотя и не выводила еще на прямой след, но значительно ограничивала возможность прямой радиосвязи с «Центром».

— Двусторонняя связь с «Центром» нужна как воздух, а тут...— Афанасьев покачал головой.

Поздно ночью, когда все уже спали, капитан вышел из землянки. Оглашая лес мощным гулом, высоко в небе шли тяжело груженные самолеты. По звуку Афанасьев узнал: свои. Радостное волнение захватило дыхание. Захотелось кричать, чтобы все знали о том, что наши прилетели в логово немцев, что будут бомбить. Пусть знают, пусть слушают могучие взрывы, несущие победу. Нашу победу! Когда гул стих, он еще постоял немного, затем зашел в землянку, прилег. Не успел уснуть, вбежал часовой, взволнованно зашептал:

— Наши бомбят! Наши, товарищ капитан... Наши...

Афанасьев поднялся и вышел из землянки. Далеко за лесом в небо поднималось зарево. После ярких повторяющихся вспышек оно росло и ширилось по всему горизонту, словно его раздували гигантские кузнечные мехи. Афанасьев стоял, как завороженный. А когда по слабому гулу бомбардировщиков понял, что наши возвращаются домой, не выдержал, крикнул «Ура!».

— Ура! — эхом отозвалось за его спиной.

Капитан оглянулся, за ним стояли Прокопченко, Дьяков, Наташа, Дьяур, Карлышев... Прокопченко кивал в сторону зарева и приговаривал:

— По нашим данным... Вот молодцы... Оперативно действуют!

На рассвете пошел холодный дождь. Прокопченко включил приемник. Услыхал знакомые позывные. Через короткие интервалы они повторялись снова и снова. Не выходя в эфир, радист доложил, что «Центр» упорно добивается свидания.

— Раз «Центр» настоятельно вызывает, значит, у него что-то важное для нас. Когда у вас запасное время для связи с «Центром»? — спросил Афанасьев.

Прокопченко вынул из кармана блокнот.

— Сегодня в 12.00 по московскому времени.

— Значит, в запасе у нас четыре часа. Времени вполне достаточно, чтобы организовать сеанс связи на безопасном расстоянии. Кроме Дьякова, возьмите еще Карлышева.

Вскоре три разведчика направлялись в новый район на очередной сеанс связи с «Центром». Район этот был определен как самый безопасный.

Крупные капли дождя глухо барабанили по плащ-накидкам.

Время от времени разведчики останавливались на минуту-две, чтобы передохнуть, покурить. И всякий раз Прокопченко поглядывал на часы, торопил товарищей. Пройдя километров двадцать от базы, они подошли к полусожженному дому лесника.

Прокопченко развернул станцию, надел наушники. «Центр» не заставил себя долго ждать. В эфире в треске и шуме множества станций Прокопченко уловил знакомую морзянку. Он нажал на ключ, и в эфир полетело: «Я «Уран», я «Уран», как слышите?»

И услыхал:

«Я «Волга», слышу вас хорошо, примите радиограммы».

Прокопченко торопливо записал. Приняв две радиограммы, он передал одну в «Центр». Свернул станцию и вместе с товарищами направился в обратный путь.

Только к вечеру, промокшие до нитки, они ввалились в землянку. Афанасьев выслушал доклад Прокопченко и тут же при горящей свече прочитал: «Примите срочные меры к быстрейшему обнаружению отряда Млынского и обеспечению его устойчивой связью».

Второй радиограммой «Центр» предлагал самому Афанасьеву связаться через тайник с нашим резидентом «Степаном», находившимся при штабе фон Хорна, снабдить деньгами и получить у него материалы. В конце радиограммы шло описание места заложения тайника.

Прочитав несколько раз радиограммы, Афанасьев облокотился руками на стол, задумался. Потом встал, набросил на плечи куртку и пошел в землянку, где жил Белецкий. Присматривала за ним Наташа.

Когда вошел командир, комиссар попытался встать, но Афанасьев запротестовал:

— Лежи, лежи, тебе покой нужен.

Присел рядом.

— Как самочувствие?

— Сейчас стало лучше! Наташа обещает, что через две-три недели буду ходить.

— Отлично,— сказал Афанасьев и протянул комиссару радиограммы.— «Центр» поставил перед нами две важные задачи. Чтобы выполнить их, нужно обязательно побывать в городе.

Белецкий быстро пробежал глазами текст, тут же возвратил радиограммы, но мнение свое высказал не сразу.

— Дело серьезное. И готовиться нужно серьезно.

— Разумеется, Петр Тимофеевич! — согласился Афанасьев.— Нам обязательно нужно разузнать, какие в городе пропуска. Необходимо убедиться, насколько надежны наши документы. А чтобы получить все эти сведения, «язык» нужен.

— Надо брать офицера,— сказал комиссар.

— Это лучший вариант. Я займусь этой операцией, а ты, Петр Тимофеевич, будешь в мое отсутствие руководить группой.

— Добре!

Когда Афанасьев ушел, Белецкий встал и, сжимая зубы, морщась от боли, зашагал по землянке.

Комиссар не заметил, как вошла Наташа.

— Больной! Немедленно ложитесь или...

— Не могу, Наташа! Не могу...

И комиссар еще решительнее зашагал по землянке.

Ночью Афанасьев вызвал к себе Дьякова, Карлышева, Дьяура, Курбанова.

А на рассвете группа разведчиков вышла к шоссейной дороге, выбрала удобное место и залегла. Густой туман прижимался к земле, не позволял рассмотреть, что делается вокруг. Только через час-два туман рассеялся. Курбанов взобрался на дерево. На пустынной дороге, далеко от места, где залегла группа, показалась легковая машина. По команде капитана разведчики быстро подхватили лежавшее у обочины небольшое срубленное дерево и положили его поперек дороги. Сами скрылись в кустарнике.

Машина на большой скорости неслась по шоссе; вынырнув из-за крутого поворота, она резко затормозила. Тормоза взвизгнули, машина остановилась в трех метрах от завала.

Из укрытий выскочили разведчики.

— Хенде хох! — скомандовал Афанасьев.

Два офицера, сидевшие на заднем сиденье, подняли руки, а водитель, выпрыгнув из машины, бросился прочь.

— Цурюк, цурюк! — крикнул Карлышев.

Немец бежал. Короткой очередью Афанасьев уложил беглеца наповал.

Разведчики обезоружили офицеров, связали им руки.

В машине обнаружили три чемодана. Курбанов обыскал одежду водителя. Найденные документы переложил в свой карман. Труп немца втащил в кабину, завел мотор и направил автомобиль под откос. Кувыркаясь, он полетел вниз, врезался в дерево, загорелся.

Когда собрались на оперативной базе, Афанасьев решил, что задерживаться на ней опасно, нужно углубиться в лес и там передохнуть. Отошли на десять километров от шоссе, выбрали удобное место в густом лесу, сделали привал. И только сейчас поняли, как повезло им: за десять минут, ушедших на операцию, по шоссе не проехало ни одной машины.

Афанасьев и Карлышев наскоро осмотрели изъятые у немцев документы и топографические карты. В чемоданах, кроме обмундирования, блоков берлинских сигарет, французских духов, Курбанов обнаружил пакет, а в нем список советских активистов, на котором имелась резолюция: «Арестовать и расстрелять».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 8—12.

Осмотр удостоверений личности немецких офицеров показал, что пожилой имеет звание штурмбанфюрера и является оперативным офицером городского гестапо, а молодой — гауптман, офицер связи. Оба следовали в штаб армии генерала фон Хорна.

Закончив осмотр, Афанасьев решил допросить пленных.

Начал с гауптмана. Тот, нагло посмотрев на капитана, высокомерно заявил:

— Советская Армия разбита, предлагаю добровольно сдаться немецким властям. Немедленно. Только в таком случае мы сохраним вам жизнь. В противном случае...

Разведчики рассмеялись, не дав немцу закончить фразу.

— Не до жиру, быть бы живу, а он гоголя строит из себя,— бросил Дьяур.

— Храбрый заяц, да и только! — поддержал его Карлышев.

Афанасьев потребовал, чтобы гауптман рассказал, где дислоцируются армейские и фронтовые склады боеприпасов.

— Я дал присягу фюреру и никаких показаний давать не буду!

— Товарищ Карлышев! Отведите его в сторону, пусть посидит подумает. Может, поумнеет!

Гауптман не понял смысла сказанного. Глаза его налились кровью, а когда увидел стоявшего рядом Дьяура и пистолет, торчавший из незастегнутой кобуры, лицо немца передернулось от страха. Он подумал, что Афанасьев велел его расстрелять, кинулся на Дьяура, выхватил пистолет.

— Стой! — крикнул Курбанов.

Немец обернулся, выстрелил, ранил Курбанова в левую руку. Автоматная очередь нагнала гауптмана. Он выронил пистолет и рухнул на землю.

Дьяур подошел к Афанасьеву с опущенной головой, виновато произнес:

— Простите! Сам до сих пор не пойму, как все это случилось.

— Твоя оплошность могла стоить жизни товарищу.

Штурмбанфюрер смотрел на Афанасьева глазами, полными ужаса. Попытался сказать что-то, не сразу получилось. Выдавил заикаясь:

— У ме-ня до-до-ма осталась жже-на и трое де-де-тей. Они ждут ме-ме-ня.

Афанасьев слушал, не перебивал.

— Если мне гарантируют жизнь ради моих детей, я расскажу очень важное.

— А сколько вы осиротили наших детей? — спросил Афанасьев.

— Я солдат! — ответил гестаповец.

— Солдат тоже обязан думать!

— Солдат обязан выполнять приказ!

Афанасьев махнул рукой:

— И этот безнадежен! Расстрелять!

Немец сделал два шага вперед, упал на колени.

— Я все скажу! Я хочу жить! Я могу быть вам полезен...

Афанасьев небрежно, не проявляя заметного интереса, спросил:

— Чем же вы можете быть полезны? Грязные секреты гестапо нам не интересны...

— И у гестапо есть секреты, интересные для советского командования! Если вы мне гарантируете жизнь, я вам многое расскажу. Могу пригодиться и потом! Меня неразумно расстреливать.

— Ну, что же! Говорите.

Гестаповец заметно оживился.

Он рассказал, что в городе снова введен комендантский час и в этой связи аннулированы старые и введены новые пропуска. Военнослужащим пропуска заменяют их удостоверения. Немец назвал сотрудников городского гестапо, перечислил известных ему агентов, действующих в городе. Прикомандированный к городскому гестапо офицер по особым поручениям Ганс Груман, по утверждению немца, возглавляет группу, которая занимается подбором, подготовкой и заброской агентов в тыл Советской Армии и в партизанские отряды. В настоящее время к заброске готовят бывшего начальника городской полиции Раздоркина и еще нескольких человек, фамилий которых он не знает. Совсем недавно в отряд Млынского, который особенно много причиняет хлопот немцам, внедрены агенты гестапо. Кличка агентов — «Рейнский», «Сова» и «Лайка». Самые большие надежды немцы возлагают на «Рейнского».

Афанасьев подробно записывал показания гестаповца, а тот сообщал все новые и новые сведения.

Видя, что гестаповец готов рассказать все, что ему известно, Афанасьев решил доставить его на базу и там подробно допросить.

На основной базе Афанасьев поместил гестаповца в отдельную землянку, поручил работать с ним комиссару Белецкому и Карлышеву.

На основании данных допроса, а также захваченных у немецких офицеров документов было составлено несколько радиограмм. Захват «языка» позволил начать подготовку к выходу в город. Прежде всего Афанасьев сличил документы, привезенные из Москвы, с документами гауптмана. Принцип составления документов совпал. Это было очень важно. Пришелся впору Афанасьеву и мундир гауптмана. Во второй половине ночи капитан облачился в форму гауптмана, вызвал к себе Аню, проинструктировал ее, дал совет, как одеться и что взять с собой.

Афанасьев и Аня покинули базу. Их сопровождал Дьяков. На рассвете уже были неподалеку от железнодорожной станции. Капитан взял под руку Аню, и они вышли на шоссе. Через пятьсот метров свернули на тропку, которая вела к железнодорожной станции.

Дьяков, укрываясь в развалинах железнодорожной будки, пристально наблюдал за своими

товарищами, пока они не скрылись за постройками.

Пропустив вперед Аню, Афанасьев смело вошел в станционный зал. Зал большой, но в нем ни души. Неожиданно из служебной комнаты вышел дежурный комендант, недоуменно спросил:

— Откуда вы в такую рань?

Афанасьев ответил:

— Я с фронта. Ехал в город на попутной машине. Дорога скверная, сами знаете. Фрау в машине укачало, ей стало дурно. Мы сошли, а теперь до первого поезда мы у вас в гостях, господин комендант!

— Вы с ума сошли, гауптман! Разве можно так рисковать в этой дикой стране? Первый поезд будет через час, есть время и для отдыха.— Он открыл дверь в комнату, из которой вышел.— Прошу!

На жестких диванах сидели офицеры разных званий и родов войск.

Увидев вошедшего гауптмана, находившийся в комнате обер-лейтенант встал, выбросил вперед руку, гаркнул:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — ответил Афанасьев.

Сели на диван рядом с обер-лейтенантом. Афанасьев достал из кармана сигареты, протянул соседям:

— Курите?

К портсигару протянулось несколько рук. Немцы курили, расхваливали сигареты.

Рыжий, с колючими глазами и круглым, как арбуз, лицом обер-лейтенант внимательно рассмотрел надпись на сигарете, заметил:

— Настоящие, берлинские. Где достали?

— Я их получаю из Берлина.

— Если не секрет, что делает на фронте ваша фрау? — полюбопытствовал пожилой гауптман с эмблемами танкиста.

— Надеюсь, вы получите больше удовольствия, если на этот вопрос ответит она сама! — улыбаясь, бросил Афанасьев.

— Я приезжала проведать мужа, ну и заодно проверить, не нарушает ли он обет верности.

Офицеры с завистью посмотрели на Афанасьева.

За разговором незаметно пролетело время. За окнами остановился поезд.

Афанасьев подхватил чемодан, взял под руку Аню. Они заторопились на перрон. Когда заняли места в вагоне, Афанасьев вынул немецкую газету, выходящую в Берлине, стал читать.

Напротив сидел оберштурмфюрер. Его заинтересовала довольно свежая газета, по всему видно было, что он ждет, когда ее просмотрит гауптман.

— Я бы мог с вашего разрешения взглянуть? — спросил немец, видя, что газета прочитана соседом.

— Пожалуйста!

Передавая газету, Афанасьев поинтересовался:

— Когда будем в городе?

Гестаповец посмотрел на часы:

— Если ничего не случится, к вечеру.

— Благодарю,— слегка поклонился Афанасьев и с сожалением добавил: — Я срочно выезжал из части, не успел сделать заказ на гостиницу.

Слова эти не оставили равнодушным гестаповца. Он посмотрел на Аню.

— Если вам будет угодно, господин гауптман, я могу оказать вам услугу. Дело в том, что к гостиницам я имею некоторое отношение.

— Я буду вам премного благодарен! — Афанасьев протянул руку, отрекомендовался: — Гауптман фон Радль!

— Оберштурмфюрер Шене!

Аня игриво улыбнулась, назвала свое имя.

— Анна — хорошее имя! — одобрил немец.

Гестаповец открыл портфель, вынул из него бутерброды, бутылку французского коньяка, разложил все на столике, застелив его салфеткой; выставил маленькие металлические стаканчики. Ловко, словно официант первоклассного ресторана, открыл бутылку, наполнил стаканчики.

— За встречу! — предложил он.

Аня, сославшись на головную боль, отказалась.

Афанасьев выпил коньяк, закусил бутербродом.

Гестаповец поправил спадавшие на лоб волосы, снова наполнил стопки.

Распахнулась дверь. Вошел рослый офицер СС.

— Господа, предъявите документы!

Но, увидев Шене, стушевался и тут же поправился:

— Прошу извинить, господа!

Дверь закрылась.

После третьей рюмки Шене оживился. Старался быть подчеркнуто почтительным, но не мог погасить нагловатого огонька в своих глазах при взглядах на Анну.

Афанасьев на минуту вышел из купе.

Шене наклонился через столик к Анне, шепотом спросил:

— Скажите, гауптман действительно ваш муж?

Аня не смутилась. Она не усмотрела скрытого смысла в вопросе. Его грубоватые попытки ухаживать ясно объясняли, что он хотел установить этим вопросом. Но все же она еще раз перепроверила себя: не было ли чего-либо такого в ее поведении с Афанасьевым, что могло дать основание задать этот вопрос?

Аня твердо ответила:

— Это мой муж, господин Шене!

...Выходили из вагона медленно, так как офицеры гестапо и эсэсовцы проверяли документы при выходе. Когда вышедший на перрон Афанасьев галантно поддерживал Аню, сходившую по ступенькам, высокий худой штурмфюрер далеко не любезно произнес:

— Фрау и господин гауптман, прошу предъявить документы.

Офицер вернул документы, козырнул.

Афанасьев взял Аню и Шене под руки. Солдат, встретивший оберштурмфюрера, тащился сзади с чемоданом и портфелем своего шефа.

На привокзальной площади гестаповца встретил высокий пожилой немец.

Он открыл дверь автомобиля, пропустил вперед Афанасьева.

— Прошу вас, господин гауптман!

Когда все уселись, Шене приказал:

— В «Бристоль»!

Машина рванула с места и, быстро набрав скорость, понеслась по центральной улице города.

В отеле оберштурмфюрер разыскал администратора. Он представил ему Афанасьева:

— Мои друзья, для них нужно сделать двойной номер с видом на реку.

— Хорошо! — ответил администратор, передавая ключи от номера Афанасьеву, но не спуская глаз с Шене.

Шене протянул Афанасьеву визитную карточку со словами:

— Звоните в любое время. Я и Пауль к вашим услугам.

— Мы вам премного обязаны, господин оберштурмфюрер! — поблагодарила Аня, улыбаясь.

Шене оскалил желтые, кривые зубы, расплылся в широкой улыбке:

— Я рад быть вашим слугой, фрау Анна.— Он поцеловал ей руку, распрощался и вышел на улицу.

Поднимаясь по лестнице в номер, Аня тихо прошептала:

— Нам здорово повезло!..

Как ни была велика усталость, Аня долго не могла уснуть. Ворочался с боку на бок и Афанасьев, обдумывая дальнейшие действия. Несколько раз капитан вставал, подходил к окну, отодвигал тяжелую штору.

С улицы доносился гул машин, тяжелый рокот танков. Время от времени темноту ночи разрезали устремленные в небо огромные световые кинжалы прожекторных установок.

Рано утром их разбудил телефонный звонок. Оберштурмфюрер Шене извинился за то, что не может приехать сам. Он послал машину и поручил Паулю показать супругам Радль город.

Любезностью Шене разведчики, разумеется, воспользовались. Они объехали окраины и промышленный район города. Некоторые кварталы лежали в развалинах: горы камня, обломки железа, битое стекло, скрученные балки.

Центральная часть города в основном сохранилась. Тут Афанасьев и Аня отпустили шофера. Поблагодарив его, они сказали, что предпочитают прогуляться пешком.

Осмотр оказался полезным. Разведчики обнаружили и запомнили адреса немецких учреждений, сделали ряд важных наблюдений.

Уже подкралась усталость, первой ее почувствовала Аня, хотелось есть, а они все ходили и ходили. По улицам проносились болотного цвета легковые автомашины, тянулись санитарные кареты с ранеными. Двигались грузовики, заполненные советскими людьми. В каждой такой машине по нескольку эсэсовцев. Они стояли, направив дула автоматов на людей.

Напротив военной комендатуры висела вывеска: «Кафе (Только для немцев)».

Решили заглянуть. Первой зашла Аня, за ней Афанасьев.

В небольшом зале сидели офицеры. Они повернули головы в сторону вошедших, внимательно, до бессовестности разглядывали Аню.

Сели за столик.

— Два кофе! — бросил Афанасьев подбежавшему официанту.

— Один момент.

Кофе пили маленькими глотками, не торопясь. Неожиданно два места за их столиком заняли уже немолодые офицеры. Сразу завязалась беседа. Узнав, что Радль и его очаровательная спутница в городе впервые, новые знакомые советовали обязательно послушать берлинский джаз, который выступает в большом ресторане, расположенном рядом с русской церковью.

— Получите истинное удовольствие! — заверили их новые знакомые.

Афанасьев расплатился за кофе, подал руку Ане, и они направились к выходу. Нашли ресторан быстро. Но интересовал их не ресторан, а церковь. В церкви был заложен тайник. К нему они и шли. У входа в церковь сидело несколько нищих. У алтаря с горящими свечами стояли пожилые люди и подростки.

Афанасьев и Аня, рассматривая иконы и церковную утварь, медленно подошли к большой иконе, стоявшей на массивной деревянной подставке. В ней, в этой подставке, и был условный тайник. Без особого труда Аня, словно бы приникнув к иконе, нашарила рукой в тайнике небольшой пакет. И хотя Аня отчетливо слышала, как бьется ее сердце, а руки чуть-чуть дрожат, она ловко, словно тысячи раз делала одно и то же, извлекла пакет, а на его место положила другой.

Вошли в номер. Закрыли на ключ дверь.

До встречи с Шене еще долго: три-четыре часа. Немец хорошо знает, что по возвращении из города супруги Радль будут отдыхать. Он придет к ним ровно в восемь. Время есть, можно и за дело приниматься.

— Ты отдыхай, а я ноги попарю, что-то знобит малость,— нарочито громко сказал Афанасьев.

Афанасьев взял пакет, электрический фонарик, одеяло и зашел в ванную комнату. В пакете оказались фотокопии совершенно секретных приказов гитлеровского командования, фотографии и установочные данные нескольких немецких агентов, переброшенных в тыл Советской Армии, два бланка новых пропусков на право хождения по городу.

Документы, фотопленку и фотокарточки Афанасьев сложил в маленький пакетик.

Возвратился в комнату.

— Пора готовиться к встрече с господином Шене,— опять нарочито громко сказал Афанасьев.

— Пора, пора,— поддержала его Аня.

Шене явился ровно в восемь. Довольный, раскрасневшийся. Протягивая Ане маленький букетик цветов, он торжественно воскликнул:

— Фрау Анна! Пусть они напомнят вам нашу берлинскую весну.

— О, да, я по ней соскучилась,— ответила Аня, приложила цветы к губам, глубоко вдыхая их аромат.

Шене важно продефилировал по комнате и, обращаясь к Афанасьеву, предложил:

— Поедем в кабаре.

— А может, проведем время в ресторане при гостинице? — спросил Афанасьев.— Я решил сегодня же ночным поездом отправиться в часть.

— Зачем спешить?!

— Служба! Ничего не поделаешь!

— А как жена?

— Решила еще несколько недель побыть возле меня.

— Я могу помочь ей поступить на работу. Здесь же, в городе,— предложил Шене.

— Благодарю. Если она примет это предложение, мы воспользуемся вашей любезностью.

— Рад делать вам, гауптман, только приятное,— заверил Шене.— Можете не сомневаться в моей искренности!

В ресторане гремел джаз, было душно. Захмелевшие офицеры хвастались своими подвигами, другие танцевали, третьи после выпитого вина грустили.

Аня дважды станцевала с Шене, один раз с «мужем». Несколько раз ее попытались пригласить незнакомые офицеры, но Шене, к которому обращались за разрешением, отклонял эти попытки. Это проходило незаметно, потом начало вызывать раздражение у неудачников.

Шене здесь не был старшим по званию.

В его адрес отпускались нелестные словечки, похоже было на то, что назревал скандал. Афанасьев решил, что настало время уходить.

— Нам пора собираться! — объяснил он.

— Вы соберите вещи, а я с фрау Анной подожду вас здесь... Можно так? — спросил Шене.

Афанасьев возражать не стал. Быстро поднялся в номер, взял чемодан, отнес в машину: Пауль уже поджидал. Расплатился за гостиницу, возвратился в ресторан.

Вопреки возражениям, Афанасьев пригласил официанта и расплатился за всех.

— По праву хозяина я провожаю вас до вокзала! — заявил гестаповец.

— Окажите такую любезность! — согласился Афанасьев.

Шене усадил гостей в вагон, тепло распрощался, но стоял на перроне до отправления.

Когда поезд набрал скорость, Афанасьев и Аня почувствовали себя самыми счастливыми на свете. Они понимали: каждая прошедшая минута их удаляла от опасности, приближала момент встречи с друзьями.

Спустя несколько часов они вышли из купе и, воспользовавшись тем, что поезд резко замедлил ход на крутом подъеме, спрыгнули. Сначала Аня, за ней Афанасьев. Друг друга нашли быстро.

На базе их встретили ликованием.

Разведчики от души порадовались за резидента, который действует в штабе армии фон Хорна. Каким мужеством и талантом нужно обладать, чтобы находиться среди врагов, выдавать себя за немца, в необыкновенно сложной обстановке добывать и передавать сведения, так нужные Родине!

— Надеюсь, что мы еще пожмем руку и «Степану». Когда увидим, скажем: «Здравствуй! Мы однокашники с тобой. Вместе пошли в военную контрразведку, помнишь, не забыл?» — улыбнулся Белецкий.

Выйдя от комиссара, Афанасьев попросил привести к нему гестаповца. Когда того ввели, спросил:

— Вы правдиво изложили все, что знали?!

— Конечно, конечно! — поспешил заверить немец.

Афанасьев посмотрел на обросшее, осунувшееся лицо немца, угостил папиросой и неожиданно сказал:

— Сегодня ночью мы позволим вам возвратиться к своим.

— Как понимать вас?

— Вот так и понимать. Выведем в лес поближе к вашим и отпустим.

Немец отказывался верить:

— Я стар, чтобы шутить со мной.

— С вами не шутят. Дело в том, что многое из того, что вы сообщили нам, мы успели проверить.— Афанасьев говорил, а удивление немца возрастало, это было заметно по его глазам.— Да, да, проверили,— продолжал Афанасьев,— и, вы знаете, подтвердились ваши показания... Значит, вам можно верить, значит, можно отпустить.

— Оставьте меня в плену, это будет лучше. Отправьте в лагерь.

— Вы должны помочь нам!

— Меня же расстреляют, если признаюсь, что все эти дни я был у вас. В лучшем случае будут подозревать, посадят в тюрьму.

— Не посадят,— уверенно сказал Афанасьев.— Мы договоримся, как вам надлежит вести себя, что говорить. Главное, держать себя в руках.

Штурмбанфюрер внимательно слушал и курил, курил часто, глубоко затягиваясь, почти не выпуская дыма.

— Я согласен! — сказал он.

— Хорошо! — ответил Афанасьев.

— Все исходящие от меня документы я буду подписывать псевдонимом «Фауст»...

...Во второй половине ночи Карлышев и Дьяков вывели гестаповца из леса.

К вечеру Афанасьев составил радиограммы по результатам рейда в город, передал их Прокопченко.

После небольшого совета с комиссаром стали готовиться к переходу в Черные леса на поиски отряда Млынского.

На следующую ночь Афанасьев, Карлышев, Дьяур и Наташа отправились на задание.

А еще через два дня и тоже ночью на большой лесной поляне, далеко от базы, вспыхнули костры, Белецкий и оставшиеся с ним разведчики приняли посланца Большой Земли «Дугласа». Он доставил боеприпасы и продовольствие. В Москву самолет увез совершенно секретные документы и раненого Курбанова.

Продолжение следует.

СОЛДАТ ПАРТИИ

Владимир **ПАВЛОВ**,
бывший партизан

Операция подходила к концу. Реже и реже раздавались выстрелы. Догорали строения, подожженные во время боя. К командному пункту на берегу мелкой и узкой речки Ревна, что протекает по самой окраине Перелюба, неторопливо стягивался обоз. Партизаны возбужденно обсуждали события минувшей ночи, нетерпеливо поглядывая на зубчатую полоску леса, синевшую на горизонте. Скоро до дому!..

И вдруг издалека донесся звук, похожий на гудение шмеля. Звук приближался, нарастал, перешел сначала в гул, потом в рев. Послышался отчаянный вскрик: «Танки!»

Страшен танк для партизана, когда он в открытом поле, далеко от леса. Кажется, нет спасения от железного зверя. Ляжешь — вдавит гусеницами в землю. Побежишь — прошьет огнем.

Все сбилось, перемешалось на берегу Ревны. Заметались ездовые, разворачивая коней. Сталкивались и опрокидывались повозки. Кое-кто, послабей духом, метнулся прочь, куда глаза глядят... И тут прогремел властный голос, разом перекрывший все звуки:

— Стой! Ложись!.. Занимай оборону!

И мы остановились — столько было уверенности и силы в этом голосе. А на Перелюбской улице появились два легких танка. Вслед за ними замелькали гитлеровские солдаты. Загремели пулеметные очереди.

— Бить по пехоте!..

Резко хлопнул выстрел противотанкового ружья. Еще. Один из танков задымил, попятился...

В партизанских рядах повеселело. С командного пункта, пригибаясь, помчались в разные стороны связные. Одна из партизанских рот спешно снялась с правого фланга и двинулась в обход. Вскоре в тылу гитлеровских цепей раздались взрывы, загремело «ура!». Вражеский огонь сник, а затем и вовсе прекратился.

И тогда на командном пункте поднялся невысокий, кряжистый человек в гимнастерке. Усталое лицо с упрямым подбородком было черно от пыли. На высоком лбу под слипшимися от пота волосами розовел кривой, похожий на запятую шрам.

Это был Алексей Федорович Федоров.

Коновод подвел ему коня. Но Федоров покачал головой.

— Верхом не поеду,— медленно и тихо проговорил он.— Подгони тачанку.

И тут мы поняли, что спокойствие и хладнокровие, с которыми он только что командовал нами в этом нежданном бою и которые ободрили нас, придали нам силу и привели к победе, даются вовсе не легко...

То, что я рассказал,—всего лишь маленький штришок из боевой деятельности партизанского полководца Алексея Федоровича Федорова. Таких случаев можно было бы припомнить десятки и сотни.

Сложнее рассказать о Федорове — секретаре подпольного обкома, полномочном представителе партии и Советской власти на полоненной врагом земле...

В то время, когда мы дрались с врагом по ту сторону фронта, не было учебников стратегии и тактики партизан и подпольщиков. Этот раздел военной науки в боях создавала партия, ее люди, оставленные для борьбы в тылу врага. И они, эти люди, многие из которых в мирное время были сугубо штатскими, превзошли в умении воевать хваленых фашистских генералов, так и не выполнивших приказ Гитлера — ликвидировать или хотя бы ослабить всенародное партизанское движение.

Алексей Федорович был одним из тех, кто создавал стратегию партизан и подпольщиков.

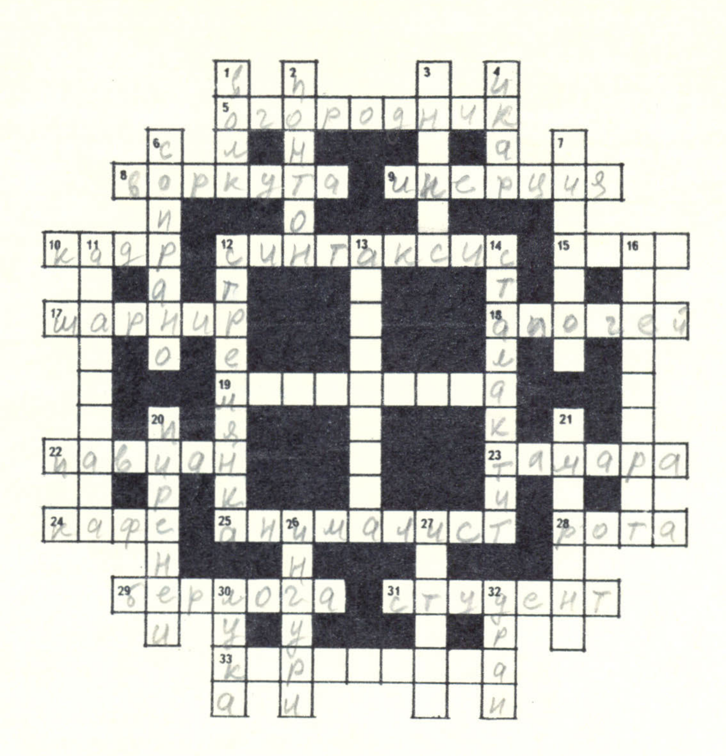
Еще до прихода гитлеровцев он вместе со своими товарищами по обкому организовал подполье в районах области и первые партизанские группы в негустых черниговских перелесках. И сам во главе областного комитета партии остался в тылу врага.

В январе 1942 года, как только установили связь с Большой землей, в штаб Юго-Западного фронта полетела первая радиограмма: «Черниговский обком действует на своей территории. При обкоме отряд четыреста пятьдесят человек. О результатах борьбы передадим дополнительно. Федоров».

А потом были еще многие бои и долгие переходы по вражеским тылам. Были заседания подпольного обкома и встречи с подпольщиками. Были сельские сходы и митинги, на которых выступал Алексей Федорович — секретарь подпольного Черниговского, а потом и Волынского обкомов партии. И везде, где проходил он со своими партизанами, всюду вырастали новые отряды и подпольные организации, и народ валом валил в леса, и стар и млад брался за оружие...

Выучке, жестокости, мощному вооружению врага Федоров, партизанский полководец, противопоставил мужество, решительность, хладнокровие и находчивость. А с лживой гитлеровской пропагандой Федоров — секретарь подпольного обкома — боролся пламенным словом коммуниста-организатора, народного вожака, умеющего зажечь людей, повести их за собой, вселить в них надежду на скорое возвращение родной армии, веру в победу.

...Тридцатого марта прославленному партизанскому генералу дважды Герою Советского Союза, министру социального обеспечения Украины, депутату Верховного Совета СССР А. Ф. Федорову исполняется семьдесят лет. В этот день он будет в Москве, на XXIV съезде партии, делегатом которого избран. И нам, бывшим партизанам, особенно радостно, что свой юбилей наш партийный руководитель и командир встречает именно в этот торжественный для Родины день.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стихотворение Н. А. Некрасова. 8. Город в Коми АССР. 9. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 10. Отдельный снимок на ленте кинофильма. 12. Раздел грамматики. 15. Приток Алдана. 17. Подвижное соединение двух частей механизма. 18. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 19. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 22. Обезьяна. 23. Персонаж поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». 24. Предприятие общественного питания. 25. Художник, изображающий животных. 28. Войсковое подразделение. 29. Логово медведя. 31. Учащийся высшего учебного заведения. 33. Азбука старославянского языка.

По вертикали: 1. Хищное животное. 2. Судно, служащее плавучей опорой мостов. 3. Тропический плод. 4. Герой древнегреческой мифологии. 6. Женский голос. 7. Рыба отряда окунеобразных. 11. Сплав металла с ртутью. 12. Легкая переносная лестница. 13. Бойница. 14. Известковый нарост на своде пещеры. 16. Южное плодовое дерево. 20. Горная система в Европе. 21. Травянистое растение. 26. Река в Грузии. 27. Химический элемент. 30. Изгиб края седла. 32. Ткань для пальто.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 5. Катамаран. 8. Малина. 9. Удокан. 12. Формат. 13. Банан. 15. «Шинель». 18. Асмара. 19. Ранжир. 20. Куранты. 21. Закром. 23. Ломами. 25. Треска. 26. Шквал. 29. Штатив. 32. Чардаш. 33. Баллон. 34. «Финансист».

По вертикали: 1. Шпагин. 2. Эталон. 3. Шарада. 4. Фабула. 6. Папаха. 7. Радиан. 10. Трускавец. 11. Гелиометр. 14. Негатив. 16. «Лакме». 17. Брыль. 22. Рюкзак. 24. Метеор. 27. Каштан. 28. Асбест. 30. Ядрица. 31. Элиста.

На первой и четвертой страницах обложки — композиция О. САВОСТЮКА и Б. УСПЕНСКОГО.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/III-71 г. А 00538. Подп. к печ. 23/III-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 651. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 656.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Веселый ветер гонит тучи,
звезда багряная горит.
Спокойным голосом могучим
Москва-столица говорит.
Прямая речь ее простерта
в земную даль
и в синь небес.
Откроется Двадцать четвертый
весенний съезд КПСС.
Весна!
Весна!
По всем приметам
она союзница Москвы.
И правды свет в союзе этом
и пробуждение листвы.
День приосанился и вырос,
оделся в пенье, в плеск и грай.
Звук,
как арбуз,
бери навырез,
любую краску выбирай!
Из бронзы огненной изваян,
великий Ленин смотрит вдаль
и видит, как народ-хозяин
рубает уголь, варит сталь,
как неоглядна и просторна
раскрепощенная земля
и как в нее ложатся зерна,
людские души веселя.
Искрится время, став крылатым.
Все это так.
Но где-то там,
за рубежом, за перекатом,
крадется злоба с автоматом
за вешней песней по пятам.
На нас кидаются наметом
с ведром слюны, с дубьем пера
из темных нор,
из подворотен
кровавых козней мастера.
Ведут, ведут на нас атаки
и вещуны, и шептуны,
и бредо-вредо-лжеписаки,
и телерадиолгуны.

И (говорить об этом надо ль?)
вольнонаемные рабы,
с рожденья падкие на падаль,
позором меченные лбы.
И мор и гибель предвещают,
и засыпают беленой,
и заморозить обещают
холодной сызнова войной.
Но мы любой такой гиене
открыто, громко говорим:
— Честь не поставишь на колени,
строй честных душ необорим!
Не обескровить алый колер
московской утренней зари,
ни за какой хваленый доллар
не взять на подкуп, хоть умри!
На свете нет таких «стратегов»,
чтоб свергли, солнцу вопреки,
коммунистических побегов
неудержимые ростки.

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

МОСКВА!

СЪЕЗД КПСС

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.